

ЗИНАИДА ЧИГАРЕВА

ОСТОРОЖНО,
СКАЗКА!

ЗИНАИДА ЧИГАРЕВА

ОСТОРОЖНО,
СКАЗКА!

Кемеровское книжное издательство 1973

Чигарева З. А.

Ч — 58 «Осторожно, сказка!» Сказочная повесть для детей младшего и среднего школьного возраста. Художник Г. Кравцов. Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1973 г.

96 стр. 75 000 экз. 62 коп.

Современные ребята Ванечка и Лена попадают в сказку и там из-за Ванечкиных упрямства и строптивости оказываются в трудном положении. Немало приключений пришлось пережить брату и сестре, прежде чем Ванечка осознал свою неправоту. Благодаря этому, а также благодаря самоотверженности Лены и помощи верных друзей ребята побеждают злые сказочные силы.

Повесть воспитывает у юного читателя чувство ответственности за свое поведение, за каждый свой поступок, за каждое свое слово.

Ч $\frac{0762 - 43}{M145 - 73}$ 36 — 73

P2

© Кемеровское книжное издательство, 1973 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ДРУГ МОЙ, ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Я рада, что ты раскрыл мою книжку. Ты, наверное, любишь сказки и разные приключения? Признаться, я их тоже любила, когда была маленькой девочкой. И знаешь что? — скажу тебе по секрету — и сейчас люблю. Теперь у меня такая профессия — разыскивать сказки и записывать их для тебя. Ведь за сказкой совсем не надо ходить далеко. Она живет рядом с нами, только прячется до поры до времени. И ты сам, или твой друг, или соседский мальчишка можете совершенно свободно оказаться в ней. Вот так же, как одни хорошо знакомые мне ребята — брат и сестра, Ванечка и Лена.

А пожалуй, расскажу-ка я тебе все по порядку. Так-то будет лучше...

Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Дверной Звонок прерывает мамину сказку, Ванечка проявляет характер, а Лена становится командиром

День прошел. Но его отголоски все еще наполняют комнату. Ванечка слышит свист и крики приятелей, видит, как стремительно летит к нему футбольный мяч. Сейчас — рр-аз! — и мяч в воротах! Бросок... удар... — и Ванечкино одеяло падает на пол.

У Лены дела поважнее. Опять эти подлые гвардейцы кардинала! Но ничего — шпага рядом. Правда, трем отважным мушкетерам и в голову не приходит, что их новый товарищ вовсе не д'Артаньян...

— Ма-ама! А Ленка читает...

— Ябеда! — отзывается Лена, пронзая шпагой очередного противника.

— Сама ябеда! — не остается в долгу Ванечка.

— И не стыдно вам, граждане?

Мама стоит в дверях. В свете уличного фонаря ее волосы совсем золотые и морщинок не видно, и вся она такая ясная, молодая: не мама — фея сказочная.

— Иди сюда! — зовет Ванечка. — Расскажи сказку.

Неслышно ступая, подошел кот Серафим. Подошел, потерся о мамину ногу, что-то хотел сказать, но раздумал и скрылся за шторой.

Мама подняла Ванечкино одеяло.

— Сказку? Такие взрослые люди — и вдруг сказку...

Веселые огоньки пляшут в маминых глазах, хотя, может быть, это просто отблески фонаря.

Ох уж эти мамы! Они ловко прикидываются взрослыми и скучными людьми. Им всегда хочется, чтобы их хорошенько попросили. Зато рассказывать сказки они умеют просто замечательно. Даже самая знакомая сказка становится у них совершенно не похожей на себя и страшно интересной.

Мама присаживается на кровать рядом с Ванечкой. Это значит, что сейчас начнется сказка. Ради такого события Лена на время прощается со своими друзьями-мушкетерами.

— Аленушка и Иванушка... — говорит мама.

— Ты про нас? — удивляется Ванечка.

— Нет, это начинается сказка.

— Ну-у... — разочарованно тянет Ванечка.

— Ах, вам не нравится?
— Не слушай его,— сердится Лена. — Всегда он...
— Молчи ты...
— Я лучше уйду, чтобы не мешать вам ссориться,— и мама встала с кровати.
— Не уходи,— тянет ее за платье Ванечка.— Я больше не буду.
— Хорошо. На первый раз прощается,— говорит мама.— Но если опять перебьете...
— Нет! Нет!..
— Жили однажды на белом свете брат и сестра, Иванушка и Алenuшка...
— Дзвинк! — кто-то опять перебивает маму. Но Ванечка тут ни при чем: это заговорил Дверной Звонok.— Дзвинк-дзвинк-дзвинк! Идите скорее! Важное известие!
— Я пр-ротес-стую! — скрипит Ванечка противным голосом.— Не дали сказку послушать.
— Помолчи! — Лена прислушивается.— Пришла Весть. От папы, наверное...
Входит мама. Она улыбается.
— Папа приезжает! — Ванечка подпрыгнул на постели. Пружины под ним возмущенно загудели: от этого Ванечки никому нет покоя.
— Нет,— качает головой мама.— Он еще не закончил свое Очень Важное Большое Строительство,— и она опять улыбается немножко растерянно и просительно.— Но, ребятки... От папы прилетел самолет. Специальный, за грузом. И он может взять...
— Ура! — подушка взмывает к потолку.— Мы летим к папе!
— Видите ли,— совсем тихо говорит мама,— они не могут взять троих. Они берут только одного. Отпустите меня, ребятки. Ненадолго. Всего на одну недельку.
Вот это новость! Ванечка даже растерялся. Он никак не мог сообразить, хорошо это для него или плохо и как вести себя дальше.

И тут случилось такое, что тебе даже и во сне не снилось. В большом старинном шкафу, где хранились Ванечкины игрушки, что-то вдруг ожило, задвигалось, завозилось, и то-нюсенький голосок пропищал:

— Я протестую...

Мама и Лена, конечно, ничего этого не слышали. Зато Ванечка сразу насторожился.

— Я протестую,— неуверенно повторил он и тут же завопил во все горло: — Я протестую! Я так не буду! Или ты вообще не полетишь или останешься со мной.

Не удивляйся, пожалуйста! С Ванечкой такое случается довольно часто. Вдруг ни с того ни с сего он начинает говорить и делать совершенно непонятные вещи.

Ленка насмешливо улыбнулась. Эта улыбка довершила дело. Ванечка упал вниз лицом на постель и принялся молотить кулаками ни в чем не повинную подушку. Мама ничего не стала говорить, а просто вышла из комнаты.

— Добился своего! Какой же ты...

Какой именно, Лена уточнять не стала. Лететь на само-

лете, встретиться с папой, побродить с ним по тайге... Разве ж и она не хотела этого?

— Нельзя,— приказывает себе Лена и вздыхает.

— Ага! — торжествует Ванечка.— Как мне — так нельзя! А вам — так все можно!..

— Хи-хи!.. Хе-хе!.. — радуются обитатели шкафа.

Дрогнула штора, шевельнулись длинные усы-антенны, и в шкафу сразу стало тихо.

— Ах ты, шпион! — в штору полетели Ленкины «мушкетеры».

— Мья! — оскорбленно сказали за шторой.

Лена молча подняла книгу и вышла из комнаты. За нею с видом оскорбленного достоинства прошествовал Серафим.

Ванечка остался один. Капризничать ему сразу расхотелось. Что за удовольствие капризничать, когда тебя никто не слышит? Одни Старые Часы ворчат сердито: «Ах, ты так! Ах, ты так!» Да из маминой комнаты доносится веселая музыка. Интересно, что они там делают — мама, Ленка и Серафим?

Мама стоит у окна, и лицо у нее очень печальное.

— Ладно! — говорит Ванечка.— Лети, пожалуйста. Мне не жалко.

Мама не слышит — думает о своем.

— Ты лети... — повторяет Ванечка.

Мама выключает радио. Становится невыносимо тихо. Даже Ленка молчит. Серафим разлегся у нее на плечах, как большой пушистый воротник, и взирает свысока. Ванечка дергает его за хвост. Кот непроизвольно выпускает когти, Ленка вскрикивает.

— Ты всех замучаешь без меня,— вздыхает мама.

— Нет, мамочка! Что ты? — неожиданно воодушевляется Ванечка.— Честное-пречестное слово! Я буду хороший! Только, знаешь что, привези мне... медвежонка! Ладно? Обязательно привези медведя.

Радуетя Ванечка на самого себя — как это здорово у него вдруг придумалось про медведя.

Мама качает головой:

— Нет, Ванечка! Нельзя оставлять вас одних.

— Мама! Так не годится,— строго говорит Ленка.— Тебе обязательно надо лететь. Ты представь — мы тут спорим, а папа ждет. И всю ночь будет ждать. А утром прилетит самолет, и все выйдут, а тебя нет. Он просто не поверит. И будет еще долго стоять, пока не поймет, что ты взаправду не прилетела. Потом повернется и пойдет. Один... совсем один.... — и Ленка шмыгнула носом.

Ну разве могла мама устоять против таких веских доводов? В конце концов, она решила лететь, хотя и заявила, что у нее вся душа выболит за своих ребят.

А Ванечка размечтался. Он уже видел рядом с собою великолепное лохматое существо — настоящего лесного медведя. Он представлял, как все ребята со двора, даже самый отчаянный из них, Витька Збых, будут ему завидовать. Еще бы! Медведь — это вещь! Это не какой-то там кошак ободраный вроде Серафима.

Ради такого блаженства Ванечка готов был дать любые обещания. И даже, когда мама назначила Ленку командиром в доме, он смирился, надеясь при случае рассчитаться с завакаой.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой рассказывается о тревогах летней ночи
и таинственном споре на лестничной площадке*

Ванечка давно спит безмятежным сном, как и положено человеку с совершенно чистой совестью.

Лена лежит с открытыми глазами и прислушивается к тому, что делается на кухне. Вот стукнула дверка духовки, запахло вкусным, зашуршала бумага. Мама готовит гостинцы. На табурете непременно сидит Серафим и следит за каждым ее движением.

— Ну что, кот,— шепотом говорит мама.— Ты ведь приглядишь за ними?

Серафим, конечно, шурит глаза. Он всегда так делает, когда соглашается.

— Смотри же, я на тебя надеюсь.

Опять шуршит бумага, льется вода.

— Хочется вкусенького? Ах ты, лизоблюд!

Сейчас мама даст Серафиму кусочек мяса. Очень любит Серафим мясо. Но как всякий уважающий себя кот, он никогда сразу не кинется за лакомым кусочком. Посидит не-

много, потянется, не спеша подойдет, понюхает, осторожненько потрогает лапой и только тогда примется за еду. Ох и вообразжала этот Серафим!

Ленка улыбается, представляя знакомую картину.

— Дзвинк! — это пришли за мамой.

У Лены сжимается сердце. Она крепко зажмуривается. Пусть мама, когда подойдет прощаться, думает, что она спит, — так ей легче. А то как бы ненароком не расплакаться.

Ну вот и все!

Осторожно скрипнула дверь. Что-то невнятно проговорила мама. Слабо звякнул Дверной Звонок — пожелал счастливого пути и передал привет хозяину.

Ушла мама. Ушла, так и не рассказав обещанной сказки. Но в этом уже не было необходимости, потому что сказка началась сама собой.

Что такое сказка, ты знаешь? Ну разумеется, ты читал много самых разных сказок. А известно ли тебе, что сказка может встретиться с тобой на лестничной площадке или в скверике возле школы? Может быть, сейчас, в эту самую минуту, она глядит на тебя зеленым глазом твоего котенка? Разные сказки живут рядом с нами. И среди них, пожалуй, могут оказаться и опасные, не так ли? Давай спросим у Старых Часов.

— Так-так, так-так, так-так,— отвечают Старые Часы и укоризненно покачивают маятником.

Часы очень сердиты на маму. Добрые домоседы, они не любят никаких неожиданностей и беспокоятся за Ванечку и Лену.

В квартире тихо и лунно. Спят игрушки. Спит на стене радио. Дремлет Дверной Звонок. Уснула наконец озабоченная Лена. Не спят только Старые Часы и Серафим. Часы размеренно и неумолимо ведут счет минутам. А Серафим, обойдя дозором оставленную на его попечение квартиру, укладывается возле шкафа и делает вид, что собирается уснуть. Плотны закрыты глаза, безмятежна поза. Кончик хвоста, однако, нервно вздрагивает, едва заметно пошевеливаются чуткие уши,

а сильное гибкое тело готово взвиться тугой пружиной по первому же сигналу тревоги.

Но кругом все спокойно. Таинственные обитатели Ванечкиного шкафа тоже не подают признаков жизни.

Небо светлеет. Над Дальним Лесом брезжит слабое сияние. Это просыпается Солнце. Оно еще не поднялось, а только чуть приоткрыло заспанные глаза.

Еле уловимое движение возле входной двери заставляет Серафима насторожиться. Он прокрадывается к двери и замирает, устремив сквозь нее свой пронизательный немигающий взгляд.

По ту сторону двери стоит полная тетушка средних лет в желтой вязаной кофте, синей юбке и поношенных резиновых сапогах. В руках она держит большую хозяйственную сумку. Совсем обыкновенная тетушка. Но ведет она себя странно: то погладит дверной косяк, то притронется к ручке, то осторожно коснется Звонка. И все примеряется, принаравливается...

Снизу слышатся быстрые шаги. Тетушка отпрянула от двери и прислонилась к перилам. В руке у нее оказался замызганный листок бумаги, который она принялась изучать с преувеличенным вниманием: вроде бы там написан адрес и она кого-то разыскивает по тому адресу.

На площадке появилась худенькая девушка в форменном жакете с серебряными крылышками в петлицах и синем беретике на светлых пушистых волосах. Ты бы принял ее за бортпроводницу, если бы не большая, битком набитая письмами и телеграммами почтальонская сумка. Девушка, несмотря на хрупкое сложение, легко и сноровисто управляет со своим тяжелым грузом. Лицо у нее живое, золотистые веснушки на носу и синие, как июньское небо, глаза.

— Тетушка Дурные Вести? — сердито хмурится девушка.

— Ах, Наденька-Радость! — приветливо улыбается тетушка. — А я-то думаю, кто это там топчет спозаранку. Нагрузилась-то как! Ого! Не надорвись гляди!

— Не беспокойся, — девушка поправила на плече ре-

мень.— У меня груз приятный, радостный. Будь хоть вдвое-втрое больше новостей — все равно управлюсь. Видала б ты, как радуются люди моему приходу! Хотя кто я? Всего-навсего Весть. Обыкновенная Добрая Весть. Вот если бы я была феей!..

— Чего захотела!

— Выучусь я на фею — вот увидишь. Буду очень стараться и выучусь. Плохо тогда тебе придется, Тетушка Дурные Вести.

— И за что ты меня, дорогуша, терпеть не можешь? Что я тебе такого сделала? — сокрушается тетушка.— Нечего нам с тобой делить. У тебя своя дорога, у меня — своя. Слава богу, я тоже не сижу сложа руки. Хватает работенки. Вон их сколько у меня, всяких бед человеческих, — Тетушка Дурные Вести раскрыла свою сумку.— Сынок о матери думать забыл. Извелась на нет, бедная. А вот письмо про мальчонку — от рук отбился, школу бросил. Вот телеграмма — девочка под трамвай попала...

— Замолчи! Тебе, я смотрю, одно удовольствие...

— Не скрою — дело свое люблю и способность к нему имею. Нюх у меня будь здоров: за сто верст людскую беду чует,— тетушка втянула носом воздух и блаженно зажмурилась.— Вот и здесь тоже бедой запахло. Бросила маменька детишек на произвол судьбы, а того не взяла в толк, неразумная, что рядом дороги с машинами, речка с омутом. Не за горами и Дальний Лес с Черным Болотом. Я уж и телеграммку загодя приготовила: «Вылетайте Ванечкой несчастье»...

— Несчастье? — побледнела Добрая Весть.— Не допущу!

— Как бы не так, дорогуша! Не в твоей это власти.

— Если б я была феей, я бы... я бы тебя...

Синие молнии в глазах у девушки: так бы и испепелила Тетушку Дурные Вести. А той хоть бы что. С той как с гуся вода. Еще смеется в глаза:

— Ах, до чего страшно! Аж ноги подкашиваются. Вот как ты напугала меня, дорогуша!..

Забрала тетушка свою объемистую сумку, полную бед, болезней, печалей, и пошла вниз по лестнице, бормоча что-то себе под нос.

За окном все чище и ярче разгорается небо. Отдохнувшее за ночь Солнце умылось студеной росой, поднялось над просторным миром и сказало:

— С добрым утром!

Добрая Весть засмеялась. Тотчас миллионы солнечных зайчиков осыпали ее с ног до головы. Добрая Весть сложила ладони рупором и поднесла к губам...

— С добрым утром! — раздалось по тихим квартирам.

— С добрым утром! — прозвенело в лестничном пролете.

— С добрым утром! — отозвались улицы.

— С добрым утром! — разнеслось над безбрежным миром.

— С добрым... добрым... добрым утром!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой выясняется, как все-таки трудно
быть командиром*

— Кто сказал: «С добрым утром!» — спросила Лена, открывая глаза. — Ты, Ванечка?

Ванечка лежит на животе. Одеяло сбилось, обнажив тощие, пестрые от синяков ноги.

— Братик ты мой непутевый! — Ленка заботливо укрыла его одеялом.

— Как дам! — сквозь сон ворчит Ванечка.

Серафим сидит возле шкафа и, не мигая, смотрит на Лену.

— Ну что уставился своими лупиками? — спрашивает Лена. — Много ты о себе воображаешь, вот что я тебе скажу.

Серафим широко раскрыл розовую пасть и зевнул, обнажив острые белые зубы.

— А ну тебя! Вечно ты прикидываешься.

Лена взяла с тумбочки книгу и опять забралась в постель. Пока мама готовит завтрак, можно еще немножко побыть с друзьями-мушкетерами. И тут ей вспомнилось: мамы-то нет, улетела мама, вместо нее командиром в доме она, Ленка.

До свиданья, мушкетеры! Справляйтесь как-нибудь сами с коварным кардиналом. У нее теперь хватит своих забот.

Лена вскочила с постели, отдернула штору.

На пол легли золотистые квадраты — настоящие «классы». Лена немножко попрыгала вместо зарядки.

Первым делом надо всех накормить.

Серафиму Лена дала кусочек колбасы.

Кот обнюхал его, погонял лапкой по полу и стал закапывать, скребя когтями линолеум. Подобную пищу он презирал.

— Ах ты, привереда!

— Мьявву, — обиделся кот. Он взял в зубы колбасу и ушел из кухни.

Поставленное мамой с вечера тесто поднялось пышной подушкой. Зашипело на сковородке масло. Запрыгали в тарелку поджаристые оладьи. Вскипело молоко.

Лена стряпала и тихонько напевала — без слов, просто так, потому что все идет как надо и она пока что неплохо чувствует себя в роли хозяйки.

На балконе раскричались воробьи. Значит, Петька привел к завтраку своих сородичей. Когда-то Лена выручила Петьку из когтей Серафима, и с тех пор они подружились.

Ванечка тоже пытался завоевать Петькино расположение, но безуспешно, и поэтому завидовал сестре лютой завистью.

Больше всех достается от серых озорников Серафиму. Воробьишки пользуются любым случаем, чтобы поиздеваться над бедным хищником.

Вот и сейчас развлекаются, дразня Серафима.

Кот по своему обыкновению примостился на узеньких перилах балкона и греется на солнце. Воробьи растопырили крылышки и висят перед ним, как живые шарики на ниточках.

Серафим пытается не замечать нахалов. Но те, расхрабрившись, лезут к самому его носу. Особенно старается Петька. Ленкиного приятеля, несмотря на немощ телесную, всегда отличал высокий боевой дух. Петька разошелся до того, что

почти уселся на кошачью голову. Такого уж Серафим стерпеть не мог. Он вскочил на ноги, широко раскрыл пасть и выбросил вперед когтистую лапу. Но Петька благополучно взмыл вверх, а кот, потеряв равновесие, едва не сверзился вниз с высоты пятого этажа.

— Вот я вам! — пригрозила Лена серым насмешникам. Оскорбленный Серафим удалился с балкона. А воробьи залились вслед ему веселым чириканьем.

Лена насыпала в кормушку хлебных крошек. И птицы тотчас облепили ее со всех сторон. Петька же на правах любимца уселся к девочке на ладонь.

— Уехала мама — вот какие дела, Петька, — вздохнула Лена. — Как ты думаешь: справлюсь я с Ванечкой?

Воробей закрутил головенкой.

— Ну это ты брось! Должна справиться. Иначе нельзя.

— Я-а-у-у! — донеслось из комнаты. За этим последовал громкий рев. Лена метнулась в спальню.

Ванечка сидит на кровати и отчаянно орет. Его плечо украшают три длинные красные царапины.

— Довел...

— Дура! — заявил Ванечка и неожиданно добавил: — Я на тебя обиделся.

Лена промолчала: в таких случаях лучше с ним не связываться.

— Я проснулся и лежал. Лежал и думал. Думал, думал — и обиделся. И на Серафима обиделся. Я его не трогал. Он сам на меня кинулся, когда я его засовывал под подушку. Я его все равно побью.

— Ванечка, — Лена старается говорить мягко, но внушительно. — Вставай. Завтрак готов. Убери за собой постель и умойся.

— Не хочу!

— Ванечка!

— Не буду!

Знаешь, мне что-то не хочется описывать все то, что случилось дальше. Можешь поверить мне на слово, Ванечка вел

себя не лучшим образом. Сначала Лена держала марку старшей сестры и командира, но ее выдержки хватило ненадолго.

— Сам дурак! И болтун... болтун... болтун! — закричала Лена. В ответ последовал удар подушкой. Но не зря же девочка дружила с мушкетерами. Нападение было ловко отражено. Ее противник, почувствовав слабость своей позиции, рухнул на спину, изобразив из себя тяжело раненного, и заревел дурным голосом.

В пылу сражения ребята не заметили, как приоткрылись дверцы шкафа и оттуда выглянули четыре диковинных человечка: двое мальчишек и две девчонки. У мальчишек были длинные — то ли заячьи, то ли ослиные уши. У девчонок огромные — от уха до уха — рты.

Человечки с наслаждением, как будто они попали в кино, следили за ходом боя. Они толкались, лезли друг на друга, чтобы лучше видеть.

— Вот уйду... уйду из дома! — натягивая штанишки, кричал Ванечка, — и пропаду где-нибудь, назло тебе пропаду! Пусть тебе попадет от мамы. Будешь знать!

Не успела Лена опомниться, как тяжело хлопнула входная дверь.

— Ш-ш-ш! — что-то невидимое вырвалось из шкафа и пронеслось следом за Ванечкой.

Лена выскочила на площадку. Но мальчишки и след простыл. Зато вверх по лестнице кряхтя поднималась толстая

тетушка с большой хозяйственной сумкой. Поравнявшись с Леной, тетушка остановилась:

— Ох, ножки, мои ножки... Понастроили этих этажей...

Лена с тревогой вглядывается в рыхлое, серое, как тесто, лицо: что ей здесь надо, этой несимпатичной гражданке?

— Ты, что ль, будешь Леночка?

Лена кивнула головой.

— Это твой, что ль, братец Ванечка?

Сердце оборвалось: беда!

— Шли-ка, дорогуша, телеграмму: так, мол, и так, маменька, пропал твой сыночек...

— Как... пропал?

— А так! Сейчас кричал во дворе, что уходит в Дальний Лес. Ребята его на смех подняли. А он взял и убежал. Сама видела. А Дальний Лес, — толстуха наклонилась к Лениному уху, — не простое место, заколдованное. Там ведь сама Кикимора проживает. Все еще там обретается Кикимора-то Никодимовна, дай бог ей здоровья!

Смотрит Лена на тетушку — ничего понять не может: «заколдованный лес», «Кикимора Никодимовна» — бред какой-то! И тут прямо на ее глазах стало происходить что-то совершенно необъяснимое. Толстуха подмигнула ей, смешно подпрыгнула и — повисла в воздухе. Ее грузное тело стало совершенно прозрачным. Сквозь него Лена отчетливо видела каждую трещинку на противоположной стене и даже могла прочитать нацарапанную гвоздем надпись «Ленка-задавака».

Прозрачная тетка, повисев немного, как огромный мыльный пузырь, испарилась вместе со своими сапогами и хозяйственной сумкой.

Наконец-то Лене все стало ясно. Мало того, что мамы нет и с Ванечкой одно наказание — их еще угораздило попасть в сказку. А это, я тебе доложу, не такое уж приятное и безобидное приключение.

Что же теперь их ожидает?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой Ванечка попадает в Дальний Лес
и встречает старых знакомых*

А где же наш Ванечка? Что с ним? Представь — вот тут окраина города, где живут Лена и Ванечка. Во-он там — у самого горизонта — темная полоска. Это и есть Дальний Лес. Между ними широкая луговина и молодые сосновые посадки. Местные жители называют их Ближним Лесом и ходят туда собирать маслята.

А теперь приглядиись повнимательней. Видишь, посреди луговины движется маленькая черная точка? И довольно быстро движется. Точно! Ты угадал — это, конечно, Ванечка.

Бежит Ванечка узенькой тропкой, как будто кто его подгоняет. И такая у него на сердце обида, такое зло на всех, что не замечает мальчишка, как хорошо, как привольно вокруг. Шелестят под ветерком шелковые травы, пестрят среди них луговые цветы. Бабочки порхают — белые, желтые, голубые. Птицы цвиркают, звенят кузнечики...

У Ванечки только одно на уме: он еще им всем дока-

жет — и Ленке-задаваке, и ребятам, и этому рыжему Витьке Збыху, который рад случаю над ним посмеяться.

Выскочил Ванечка сгоряча из подъезда после ссоры с Ленкой, а тут ребята:

— Ты куда, Ванечка?

И кто-то словно ему в ухо шепнул:

— В Дальний Лес!

Он возьми и повтори:

— В Дальний Лес!

Ох, что началось! Такой поднялся хохот, будто ребята в цирк попали. Витька Збых подошел и говорит:

— Слабо! Из всех наших ребят только я бывал в Дальнем Лесу. А куда тебе со мной тягаться, малявка!

Ух, как заело Ванечку такое небрежение!

— Докажу, — кричит. — Докажу!..

— У тебя до Ближнего Леса и то смелости не хватит, — сплюнул сквозь зубы Витька Збых.

— Увидите... Увидите! — готов заплакать Ванечка. Только слезами ничего не докажешь. Вырвался Ванечка из ребячьего круга и бежать. А мальчишки ему вслед:

— Шишку принеси в доказательство. Настоящую, еловую... Иначе не поверим!

Ну и не верьте! Не верьте! Вот зайдет он в Дальний Лес и заблудится назло всем. И пропадет пропадом. Ванечка представил, как горюют о нем все мальчишки, как Витька Збых, утирая слезы, говорит:

— Толковый был парень. Что надо парень. А мы его не ценили. Никогда больше не будет у меня такого замечательного друга.

А Ленка... Ага! Вот кому придется хуже всех — этой Леночке-командирше!

От таких мыслей Ванечка даже развеселился. Прутик нашел: ра-аз! — слетела головка ромашки, два! — повис срубленный стебелек белоголовника. Все бы ничего — только есть сильно хочется. Так и сосет и сосет под ложечкой. А все из-за этой противной Ленки! Испортила аппетит, и вот изволь

тащись в дальнюю дорогу на голодный желудок.

И уж забыл Ванечка про то, что решил он заблудиться и пропасть. Да и стоит ли идти на такие жертвы? Главное — доказать. А доказать он им и так докажет. Это что, шуточки? Взял и сбежал в Дальний Лес запросто, будто на соседнюю улицу. Захотел и сбежал. Вот какой он сильный и отважный! Ага! Шишку им надо! Без шишки они не поверят! Подумаешь, шишка! Невидадь какая! Будет им шишка, самая лучшая на весь лес!

Бежит Ванечка вприпрыжку — торопится. Вернуться ведь надо к обеду. Сам присвистывает для собственного удовольствия. Но что это? Сзади кто-то тоже присвистывает. Обернулся — ни души. А кругом вдруг так тихо сделалось, что в ушах заныло. Кузнечики пропали, птицы молчат. Шелеста травы не слышно. Будто надели на Ванечку стеклянный колпак. Испугался мальчишка и бежать. Надо бы к дому, а его будто нарочно к Дальнему Лесу гонят. Бежал, пока в груди не закололо.

Остановился. Чудеса! Вокруг опять все так, как и должно быть. Кузнечики стараются — только треск стоит. Птицы заливаются на все голоса. По траве тихое шуршание от ветерка.

Осмотрелся Ванечка. Вот это да! Уже и Ближний Лесок позади. Он и не заметил, как мимо промчался. А Дальний Лес будто сам выдвинулся ему навстречу. Вот он совсем рядом. Уже различает Ванечка толстые замшелые стволы. Над ними сплошная темно-зеленая крыша с островерхими башенками. В глубине за стволами — густая плотная темнота.

Оторопь взяла мальчишку. Похоже, тут вообще никогда не ступала нога человека.

«Не ступала — так ступит!» — решает Ванечка. И это будет его, Ванечкина, нога.

В лесу оказалось совсем не так страшно, как представлялось. Даже наоборот. Подумаешь, елки! Такие же, правда, поменьше, мама покупает к Новому году, а они с Ленкой украшают блестящими шарами и звездами. И пахнет здесь так же, как дома на Новый год.

Ну вот! Вспомнил про маму, и внутри как-то нехорошо стало: замулило, как в глазу, когда в него попадет соринка. Конечно, он не виноват — его довели, но все-таки получилось, что он без спроса убежал в Дальний Лес.

Ну ничего — сейчас он быстрехонько разыщет шишку и сразу же вернется домой.

Вот шишки только как назло попадают незавидные — маленькие или поклеванные птицами. Принеси такую — Витька Збых непременно усмехнется и скажет:

— Не ходил ты ни в какой Дальний Лес. Подобрал на дороге завалиющую.

Бегает Ванечка от дерева к дереву, а все без толку. Ну вот, кажется, наконец, нашлась подходящая. Ничего не скажешь, ловкая шишечка! На ракету похожа, крепкая, зеленая еще, и капелька смолы застыла на макушечке.

Теперь можно и домой.

Есть уже не хочется — перетерпел. Но во рту так горячо

и сухо, как будто он сжевал коробок спичек. Газировочки бы сейчас, холодной, сладкой, колючей. Или водицы родниковой, как у бабушки в деревне.

Подумал так Ванечка — слышит: журчит. Ну да! Совершенно отчетливо слышно веселое вкрадчивое журчание. И близко — за этой большущей елью.

«Солнце высоко — колодец далеко. Жар донимает, пот выступает... Стоит козье копытце, полно водицы...»

Откуда это? А-а! Из той самой сказки, что вчера не успела рассказать мама.

« — Не пей, Иванушка! Козленочком станешь...»

Кто это сказал? Голос как будто бы Ленкин... Но откуда здесь Ленка? И почему копытце? Он из ручейка напьется. Вот он, ручеек, совсем рядом журчит.

Полез Ванечка за елку, а ручеек в другой стороне отывается. Кинулся туда — ни звука. Нет, опять вроде зазвенело. Дразнит кто-то Ванечку, заманивает. Скорее бы унести ноги! А куда их унесешь? Деревья кругом все одинаковые — лес и лес, и не понять, где глубь, а где опушка. Заметался Ванечка — нет выхода! Бросился на землю и заревел в отчаянии:

— Я так не буду-у-у!

Но никто не торопится на помощь Ванечке. Одни деревья кругом, насупились, молчат. Вот ведь какие недобрые! Тут человек пропадает, а им хоть бы что.

Чудится Ванечке: затаилось рядом живое, непонятное. Слышит он шепоток и смех чей-то. Совсем потерял голову от страха:

— Ма-ама-а-а!

— Ну чего орешь, как чокнутый?

Поднял Ванечка глаза, видит — ребятишки. Двое мальчишек и две девчонки. Стоят, смотрят на него, усмеваются. Мальчишки в заношенных спортивных костюмах. На девчонках платьица блеклого серого цвета. Вполне обычные ребятишки. Одно удивительно — у мальчишек уши мохнатенькие, торчком стоят. У каждой девчонки рот до ушей, хоть завязочки пришивай. Смешные, а все-таки люди...

Глядит на них Ванечка, смутно припоминает: уж не видал ли он их когда-нибудь? Что-то больно знакомое есть в уродцах. Во сне, что ли, когда снились?

Мальчишки переглянулись, губы надули, набычились:

— Не буду я так! Не хочу! Не буду!

А девчонки вдруг как завопят, будто их на части режут:

— А-а-а! Мне — так нельзя! А вам так все можно!..

Повалились навзничь, руками машут, ногами дрыгают — смотреть противно.

— Ах, вот вы как? Вы дразниться? Ну, ладно!

А те и ухом не ведут:

— Не хочу! Не буду!

— А-а-а-а!

Не на шутку рассердился Ванечка:

— Ка-ак дам, так уши отклеются!

Хохочут мальчишки — за животы держатся.

— Ка-ак дам, так землю забодаете!

Но эти жуткие угрозы ничуть не испугали уродцев. Наоборот, они прямо-таки наслаждаются Ванечкиной злостью.

— Ай-яй-яй, Ванечка, — говорит наконец один уродец. — Старых приятелей не узнал. Мы тебя еще во-от такусеньким помним. И росли мы вместе с тобой. Ты был маленький — и мы были маленькие. Ты подрос — и мы подросли.

— Ну как? Теперь узнаешь? — мальчишки вплотную придвинулись к Ванечке. — Мы Братцы-Упрямы. Из твоего упрямыства зародились. Вот кто мы!

— А мы Сестрицы-Капризиды... Сестрицы-Капризиды, — растянули в улыбке лягушачьи рты девчонки. — Твои капризы — вот кто мы!

У Ванечки от удивления глаза на лоб. Как же так? Капризиды? Упрямы? Ну покапризничал, поупрямничал — и все прошло. Это же просто так, ничто — одни настроения. А они, эти... живые!

— Мы живые! Мы живые! — радуются уродцы. — Мы твои упрямы! Мы твои капризиды!

— Долго мы у тебя в шкафу жили, — говорит уродец. —

Этот скверный Серафим шагу шагнуть не давал. Трудная была у нас жизнь. Дорого ты нам достался, Ванечка. А теперь ты наш!

— Я не ваш! Я свой — и все тут!

Опять хохочут уродцы. Отсмеялись, командуют:

— Пошли!

— Не пойду.

— Что-о? Никак ты упрямишься?

— Я домой хочу!

— Ага! — закричали Капризицы. — Ты, кажется, капризничаешь?

Подсмеиваются злорадно уродцы:

— С нами этот номер не пройдет. Мы не Ленка.

— Пить хочу! Вот что! — закричал Ванечка. — И никуда не пойду, пока не напьюсь. Газировки хочу!

— Газировки не держим, — подскочила Капризица. — Водичка ключевая — вот она!

Смотрит Ванечка: у девочки в руках посудинка. Странная такая посудинка: стакан — не стакан, чашка — не чашка, и вроде из темной пластмассы.

— «Не пей, братец, осликом станешь...»

Замешкался Ванечка, не торопится испить заколдованной воды. И слышит издали:

— Ау-у, Ванечка! Где ты?

Ленка? Ну, конечно, Ленка! Нашла-таки!

— Ты что мешкаешь, Ванечка! — толкает его под бок Капризица. — Не хочешь — как хочешь. Сейчас вылью. Смотри — выливаю.

— Я тебе вылью! — выхватил Ванечка посудинку из Капризицыных рук.

— Ванечка! — подскочила Лена. — Брось... Брось сейчас же эту гадость!

Как бы не так! Заявилась, чтобы командовать. «Выплю ей назло», — решает Ванечка. Но едва поднес посудинку к губам, как в руку ему будто вонзили сто иголок. Выронил он посудинку. Одна капелька и успела проскочить в горло.

А Серафим отпрыгнул, припал к земле, глаза огромные — в упор на Ванечку...

— Ах ты, кошка дырявый! — схватил Ванечка палку.

А уродцы за его спину спрятались, визжат:

— Бей его! Бей! Бей!

— Ванечка! Опомнись! — вырвала Лена палку, глянула на брата да как закричит:

— Ой-е-ей! Что... что... с тобою? — а сама на его уши показывает.

Ухватился Ванечка за уши — ничего понять не может. Под руками у него что-то длинное, мохнатое, на человеческие уши не похожее. Закричать хотел — голосу нету. Заплакать бы — и слез нету. Вот до чего перепугался. Признаться честно, было тут от чего голоса лишиться.

Лена растрепанная вся. Лента в косе развязалась. На лице слезы пополам с грязью. Смотрит несчастными глазами:

— Что ты наделал, Ванечка!

— Я наделал? Я, да? — не помня себя от злости, закричал Ванечка. — Это ты... ты во всем виновата! Все из-за тебя, противная, вредная, упрямая Ленка! Зачем меня рассердила? Зачем убежать позволила? Попадет тебе от мамы — будешь знать! — и он что есть силы толкнул Лену в грудь.

Вот ведь как на свете бывает! Понимает человек, что сам кругом виноват, — так нет! — мучает за то другого, невинного.

Но что это с Ленкой? Раньше ведь могла постоять за себя, а сейчас не может. Словно не живая девочка, а кукла тряпичная. Упала и лежит — не движется. Серафим над нею — шерсть дыбом, спина — горбом, урчит угрожающе. Заступник выискался!

Выхватил Ванечка шишку и — в кога. Мяукнул кот и пропал с глаз. Вихрем налетели уродцы, подхватили кто за руку, кто за ногу. И провалился Ванечка в черную черноту, глухую глухоту...

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой Ванечку окружают всевозможные ужасы
и он пытается спастись бегством*

Медленно приходит в себя Ванечка после реактивного путешествия. Кружится голова, слегка подташнивает, в ушах звон. А сквозь этот звон он слышит:

Потолок весь в крови,
Дверь шатается,
За шершавой стеной
Труп валяется.

Как шагнешь за порог —
Всюду кости.
А из окон скелет
Лезет в гости.

Мелодия знакомая, а слова новые — жуткие слова. И поют жуткие голоса. Ванечка сжимает крепче веки, чтоб не видеть ни костей, ни трупа, ни скелета...

— Раскричались! Голова лопается на части, — слышит Ванечка неприятный скрипучий голос.

— А мы радуемся! Мы радуемся!.. Мы тебе мальчонку добыли! За это ты нас людьми сделаешь! Вот!

— Давай скорее делай!

— Хотим быть, как все люди...

— Скорее! Скорее!

— Ишь вы какие быстрые! Небось — подождете... — отвечает скрипучка.

— А-а! Ты обещала! Ты обещала! Мы так не будем!.. А-а!

Так вот в чем дело! — догадался Ванечка. — Братцы-Упрямы и Сестрицы-Капризицы расходились. Людьями им сделаться захотелось! А он, Ванечка, значит, вроде платы за то? А его спросили об этом? А если он не согласен? Конечно, он не согласен! Но кто же их людьями сделать может? Та, у которой скрипучий голос?

— Ну и что ж, что обещала, — смеется скрипучка. — А кто вас просил мне верить?

— Обманула! Обманула! А-а-а!..

Что тут началось! Ванечка, конечно, мастер капризничать. Но и он не сумел бы устроить такой концерт, как Братцы-Упрямы и Сестрицы-Капризицы.

— Кончай представление!

Ну и голос у скрипучки! Как ножом по стеклу: до чего пронзительный — прямо ультразвук:

— Я вас превращу... Я вас так превращу — не обра-

дуетесь! Марш в лес! Там девчонка осталась. Вредная девчонка. Уберите немедленно!

Это она про Ленку. А что значит — «уберите»?

— Не хочу... Не буду... — неуверенно пискнули уродцы и затихли — улетучились.

— Ох! — вздыхает скрипучка. — Вконец умучили, сорванцы....

— Балуеш-шь ты их!

А это кто такой объявился? Шипит, как чайник на плитке. Ну и компания!

Приоткрыл Ванечка один глаз. Ничего не видно, чернота одна. Открыл второй, пригляделся. У самого лица — черная тряпка. Поднял глаза повыше — рука, сухая, темнокожая, в белой кружевной манжетке. Еще выше перевел глаза — кружевной воротничок увидел, а над ним голова на худой шее. Лица не видно, только волосы, собранные в пучок. Седые, с прозеленью, как привянувшая болотная трава. Из-под них ухо торчит сухим кленовым листком. Старуха!

А что если она детей ест? Не может быть! Милиция не позволит. Да и невкусный он, кожа да кости. Мама говорит: избегался на нет. А все потому, что он «энергетик»: энергия

из него так и рвется наружу. Папа шутит: твою бы энергию да на мирные цели. А, может, этой старухе его энергия понадобилась?

— Слуш-шай! — опять зашипело рядом. — Чего они хва-стают: мальчиш-шку достали? Еш-ще неизвестно, ш-што за товар...

— Товарец хороший, — ласково говорит старуха. — Отмен-ный мальчишка. Мы из него такого молодца воспитаем — будь здоров! Его не только в своем дворе — на всем земном шаре бояться будут... — и голову к нему поворачивает. Едва успел Ванечка зажмуриться. Пускай думают, что он все еще омерт-велый.

— Ишь ты, — нежно скрипит старуха, — Красавчик какой! Самородок... чистое золото. Всю жизнь о таком мечтала...

Вдруг еще кто-то, третий, как заверещит тонюсенько:

— Тетенька! Тетенька! А он притворяется. Он шевелился сейчас. Я видела, видела!

Замер Ванечка — ни жив, ни мертв. А старушка говорит:

— Что ты, Ябедка! Он еще не пришел в себя. Но ничего, мы его мигом приведем в чувство. Всего один укольчик... Давай-ка шприц, Злючка-Гадючка!

— Ай! — Ванечка так и привскочил на месте. — Не надо! Не надо укола! Я здоров!

Огляделся осторожно — ничего страшного. И потолок обычный, и стены. Комната как комната — ни костей, ни трупов. Старый комод в простенке между окнами, на нем зеркало в резной рамке. Стулья вокруг стола. В углу теле-визор, салфеточкой прикрыт. Статуэтка — позолоченная де-вушка с рыбьим хвостом. По стенам фотокарточки известных артистов и спортсменов вперемежку с лохматыми стариками и старухами.

И люди в комнате. Худая старушка, еще худее его. На вы-сохшем носу огромные очки. Обыкновенная, даже смешная старушка. И две девочки. Одна маленькая, рыжая, в желтом платьице. Глаза крошечные, любопытные, а на лбу синяк. Она, конечно, и есть Ябедка. Ябедам ведь всегда попадает.

Вторая, похоже, Ленкина ровесница. Однако покрепче, пожи-листее. На ней зеленое платье. Сквозь длинные прямые волосы неподвижно глядит выпуклый желтый глаз. Очень неприятная девочка. Это она, должно быть, шипела, и старуха называла ее Злючкой-Гадючкой.

Трет Ванечка глаза, вроде все еще в себя придти не может, а сам соображает: дверь! Открыта дверь — и на пути никого! Пусть попробуют поймают. У себя во дворе он самый быстрый чемпион. Даже Витька Збых его догнать не может.

Отвернулась старушка, зашептала о чем-то с девоч-ками. А Ванечка вскочил и — к двери. И тут вдруг все мгно-венно изменилось. Веник у притолоки стоял, обычный, тростни-ковый. Подпрыгнул веник и — Ванечке наперерез. И уже не веник то, а чудовище огромное, лохматое...

Оглянулся Ванечка. Старушка в упор уставилась. Вместо глаз — стекляшки. За нос себя теребит. А нос тот все вытяги-вается, вытягивается — не нос, хобот слоновий.

Маленькая девочка огненным клубком под ноги катится. А постарше и того страшнее — вытянулась, извивается змеей, вся зелеными блестками переливается.

Забился Ванечка под стол. Сердце от страха о ребрышки колотится, как муха о стекло. А старуха с девочками хохо-чут, потешаются:

— Ай да Ванечка! Ай да храбрец! Уши ослиные — серд-це заячье!

Вдруг всполошилась старушка:

— Батюшки! Запаятовала совсем! Включай телевизор, Ябедка! А этому, чтоб под ногами не путался, укольчик. Быст-ренько!

— Я протестую! — орет Ванечка, отбиваясь. — Трое на одного — так нечестно!

Кольнуло что-то в руку, и сразу ослабел Ванечка. Липкий дурман затянул глаза. И слышит он будто сквозь вату музыку и знакомый голос диктора: «Художественная гимнастика... кубок интервидения... выступает...» А кто выступает, он уже не мог разобрать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой Лена оказывается в безвыходном положении

А где же Лена? Что приключилось с девочкой? Почему отважный приятель мушкетеров не сумел постоять за себя и защитить брата?

Да вот она. На том же самом месте, где разыгрались роковые события. Сидит, привалившись к стволу ели. Волосы разлохматились, в них сухие хвоинки. Платье выпачкано и порвано. На локтях и коленках ссадины. А вокруг выдранная с корнем трава, примятый папоротник, обломанные ветки. Настоящее поле брани. С кем же она сражалась, наша Лена?

Как ты помнишь, девочка бросилась на помощь брату. Он же закричал, что во всем виновата она, и тут же в единый миг неведомая сила крепко связала Лену по рукам и ногам.

В бессильной ярости каталась Лена по земле, терлась руками и ногами о пни и коряги, пытаясь освободиться. Однако невидимые нити держали ее так прочно, как будто она попала в железную паутину.

Наконец Ленка выбилась из сил. Подкатившись кое-как к дереву, она оперлась о него спиной и приподнялась. Ей удалось присесть. Она уткнулась лицом в колючую хвойную лапу и заплакала...

Вот, называется, попала в сказку! Хороша сказка, где

с человеком так подло поступают! Не нужна ей такая сказка! Сражаться за победу — хоть с Кикиморой, хоть с Кашеем Бессмертным, хоть с самим Змеем-Горынычем — на это она готова. Но только в открытом честном бою. А в этой сказке она быть не согласна. Не хочет она быть в этой противной сказке — и все тут. Надо немедленно выбираться. А как? Одной? А Ванечка? Оставить его в руках у злой Кикиморы? И так страшно стало девочке за брата, что она снова заплакалась.

И вправду она во всем виновата. Из-за нее Ванечка попал в беду. Нельзя было его выпускать из дома. Дверь бы на ключ, заступить дорогу. Связать, что ли, вот так же, в конце концов! А мама-то понадеялась, командиром назначила! Не оправдал доверия твой командир, мама...

Слезы бегут по грязным щекам, а Лена их даже вытереть не может. Разве не обидно? И кто увязал ее так, будто тюк с ватой? Кому это надо было? Кикиморе — вот кому надо было! Она Ванечку украла, она бросила ее, связанную, в Дальнем Лесу. А теперь небось прячется поблизости со своими ушастиками-ротастиками, ее слезам радуется.

Точно! Тоненький голосок возле самого уха: «хи-хи!». И чуть подальше: «хи-хи!» И сверху: «хи-хи! ха-ха!»

«Ах, вы так? Смеетесь? Вот назло не буду плакать. Не доставлю вам такого удовольствия», — думает Ленка. Закусила губу, собралась с силами — ка-ак рванется. В глазах огненные круги, а встала. Встала все-таки! И тут же бац! — лицом вниз, в примятые папоротники.

— Ха-ха-ха! — весь лес залился злым издевательским смехом. И вдруг оборвался смех, пронесся испуганный шепоток — все смолкло. Что-то мягкое, теплое потерлось о Ленкину щеку.

— Урм-м! — это были такие знакомые, такие уютные домашние звуки.

— Симочка! Лапа... Это ты их разогнал?

Серафим сощурил один глаз. Лене показалось, что он улыбнулся.

— А нас ведь боятся?
Что бы это значило, кошачина?

А значило это, что вешать нос и унывать не стоило. Тем более, что рядом был Серафим, умнейший и хитрейший кот среди всех котов.

— Что же нам делать сейчас? Как ты думаешь, Серафим?

Серафим улегся, аккуратно подвернул под себя лапки, прикрыл их хвостом и сладко замурлыкал. Его глаза превратились в еле заметные щелочки.

— Правильно! — решила Лена. — Утро вечера мудренее. Так всегда говорят в сказках.

Она постаралась устроиться как можно удобнее. Серафим забрался к ней на грудь и затянул кошачью колыбельную. Густая еловая лапа, как одеяло, укрыла девочку. Стало тепло и уютно.

В лес беззвучно входила Ночь. В отдалении метались неясные тени. Слышался то зловещий хохот, то отрыви-

стые вздохи. Злые силы властвовали среди темноты. Но они не могли причинить вреда Лене. Потому что всю ночь до рассвета над нею негасимо светились два огненных глаза и чуткие уши ловили каждое дуновение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

которая знакомит нас с некоторыми подробностями биографии Кикиморы Никодимовны Подколодной

В лесной избушке у Черного Болота тишь да гладь. Мирно светится экран телевизора. Перед ним в старом кресле расположилась та самая старушка, что так любезно привечала Ванечку. Ее странных питомцев нет дома. Ночь для них — самое веселое время суток. Бегают по лесу, людей пугают, себя развлекают.

А старушка та, как ты уже догадался, — сама Кикимора Никодимовна Подколодная. Принадлежит она к старинному прославленному роду Кикимор Болотных, о которых сложено великое множество сказок. Правда, в тех сказках очень уж несправедливо обошлись с ее сородичами. Настоящим пугалом представлена в них Кикимора: туловище длинное, сухое, как соломинка, на огромной голове нечесаная грива волос. И одета в ужасные лохмотья.

Кикимора Никодимовна — женщина, разумеется, худощавая. Но чтобы ходить в лохмотьях, нечесаной — извините! Она во всем порядок любит и аккуратность. Хотя в ее годы — сотни три без малого — нелегко и за собой следить, и хозяйство вести, и воспитанием подрастающего поколения заниматься.

Раньше у гражданки Подкольной хозяйство было обширное — весь Дальний Лес ей принадлежал. А теперь люди со своим строительством, всякие краеведы да грибники так стеснили, что шагу шагнуть некуда. Только и сохранился в неприкосновенности маленький участок возле самого Черного Болота.

Пуще глаза бережет свое болото Кикимора. Отсюда весь их род пошел, вся их волшебная сила. Травками замаскировала, ветками укрыла. Не ровен час — забредут еще туристы или какие другие любители природы, банок нашьвыряют, битых бутылок.

Избушка тоже забот требует. Обветшала, в землю вросла, и то, шутка сказать, не одну сотню лет простояла. Спасибо, хоть знакомый Леший забежит, постучит топором — крыльцо подправит, оконную раму подновит.

А Пещера Кошмаров, куда, бывало, ее бабки да прабабки неосторожных путников заманивали, совсем пришла в негодность. Свод обваливается, ступени выщербились, дверь перекосилась — не закрывается. Все привидения, что проживали там раньше, разбежались, слышно, вроде в киноактрисы подались.

Ни на что теперь не годна та Пещера. Разве что хранить соленые огурцы. Да и народ нынче грамотный пошел: его

теперь старинными средствами не проймешь, ему иное, культурное обращение подавай.

Раньше-то как бывало: утащит Кикимора у какой-нибудь деревенской разини дитенка из люльки. Одного, другого, третьего... Вырастут они сами по себе, как трава болотная. Бегают по лесу — кудахчут, ухают, хохочут — христианский народ смущают. Кого в бучило заманят, кого защекочут, на кого иначе как страху нагонят. Все в округе их боятся, жуткие истории рассказывают. А в тех историях не разберешь, где правда, где выдумка. Выдумка тоже Кикиморе на руку — ее авторитет в народе поднимает.

Вот так и жила Кикимора, в полную меру наслаждаясь своей властью. А это — хочешь верь, хочешь не верь — очень приятная штука.

Канули без следа те золотые денечки. Попробуй запугай теперь какого-нибудь мальчонку нечистой силой! Как же, запугаешь его! Он сам кого хочешь запугает. Не стали верить в нечистую силу люди. А каково это жить и трудиться, ежели нет тебе никакого доверия?

Но Кикимора Никодимовна, по правде говоря, не такая уж простушка. Решила она приспособиться к новым условиям. Раз никого на испуг не возьмешь, значит, надо опираться в работе на людские слабости и пороки.

Завела Кикимора Никодимовна точнейший учет всех дурных поступков. В одной графе у нее хулиганство регистрируется, в другой — ложь, в третьей — жадность. Еще один реестр — в нем отмечаются злодейства покрупнее. В отдельной книге на учете подающее надежды подрастающее поколение — озорники, второгодники, неслухи. Попал когда-то на заметку Кикиморе и наш Ванечка.

Всей канцелярией у Кикиморы заведует Злючка-Гадючка. В помощниках ходят Братцы-Упрямы, Сестрицы-Капризицы да Ябедка. Помощники! Одно название. На что серьезное — так их нет. А набедокурить, накуролесить — всегда пожалуйста.

Заглянула как-то в думбочку. Батюшки мои! Все как

есть вверх дном. «Новейший справочник по колдовству и чародейству» исчеркан, изрисован каракулями. Из «Книги избранных древнерусских заклинаний» выдраны все картинки. Снадобья, препараты, что еще от бабок и прабабок ей в наследство достались, разбросаны, рассыпаны. Попробовала призвать к порядку — не обрадовалась. Вот какая молодежь пошла!

Особенно строптива Злючка-Гадючка. И всегда норовит настоять на своем. Вбила себе в голову — в город удрать, надоело ей, видите ли, в болоте сидеть. Общество ей подавай, веселую жизнь. Ябедку, наоборот, из дому не выгонишь. Присит, чтоб ей за вредность доплачивали. Не хочет бесплатно в синяках ходить.

Упрямцы да Капризицы, на что уж мелочь никчемная, пузыри болотные, а тоже о себе возомнили. В люди им, извольте радоваться, выбиться захотелось. Пришлось пообещать — мол, вы мне мальчишку, а я вам живую душу. Поверили, глупые. Как будго живые души на дороге валяются. Ничего — пошумят и успокоятся. Зато у нее в руках настоящий живой мальчик. Правда, сыроваг материал — обработки требует. Но это не страшно. У Кикиморы Никодимовны немалый стаж воспитательной работы. Не таких к рукам прибирала. Самое главное — уберечь мальчишку от дурного влияния. Как бы Ленку не пожалел, Добрым Словом не вспомнил. Тогда все труды прахом. Не одолеть Кикиморе Доброго Человеческого Слова. Но и против той опасности есть у нее верное средство.

Не удержалась от вздоха старушка — да-а, работенка у нее, не приведи бог! Не всякий согласится так канителиться. А развлечений у старушки — один телевизор. Неравнодушна она к спортивным передачам. Разгонит всю шатию-братию и «болеет» в свое удовольствие.

Давно не было у Кикиморы Никодимовны такого приятного расположения духа: ее любимая команда в отличной форме, а рядом спит волшебным сном худенький человечий детеныш с длинными осячьиными ушами. Ее надежда. Ее опора в старости.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой паучок предсказывает Лене радость,
а получается все наоборот*

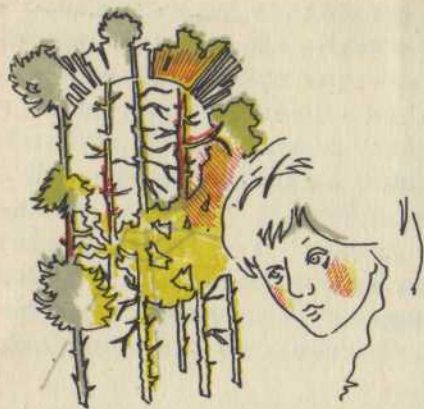
Солнцу пришлось подняться повыше над Дальним Лесом, чтобы, пробившись сквозь густой хвойный навес, разбудить Лену, как оно это привыкло делать каждое утро.

Не очень-то радостным было для Лены ее пробуждение. Но девочка твердо решила не поддаваться печальным мыслям. Она попыталась проделать утреннюю зарядку. Получилось у нее, разумеется, не слишком ладно: невидимые сети по-прежнему сковывали каждое движение.

Серафим сидел на поваленном дереве и с неторопливой деловитостью, как будто у себя дома, занимался утренним туалетом. Особо тщательно он вылизывал лапы, приглаживал уши, чистил белоснежную манишку. Завершив привычную церемонию, со вкусом потянулся, выразительно посмотрел на хозяйку и пошел прочь.

— Ты куда? Постой! Не уходи, Симочка! — жалобно попросила Лена.

Кот оглянулся.

— Идешь искать Ванечку, да? Ты знаешь, где он? Ну говори, говори же!

Серафим смотрел на Лену загадочным немигающим оком.

— Молчишь? Это никуда не годится. Я так не играю. В сказках все звери разговаривают. А ты молчишь или мяукаешь, как обыкновенная кошка. Это нечестно.

Серафим постоял в задумчивости, повел ушами и скрылся среди папоротников.

— Ладно, не обижайся! — крикнула ему вслед Лена. — Ванечку разыщи, слышишь? Непременно разыщи Ванечку!

Вот оно и наступило, то самое утро, которое мудренее вечера. Однако ничего не изменилось. Мама всегда говорит — надо иметь терпение. Легко сказать. А каково это подвижной энергичной девочке валяться связанной среди незнакомого леса? Однако другого выхода нет — надо ждать.

За ночь на кустике земляники налились ярким соком три ягодки. Лена с удовольствием съела их и сказала «спасибо!» От нечего делать она принялась наблюдать, чем занимаются ее соседи.

Деловито тащили к своему дому то хвоинку, то сухой стебелек озабоченные муравьи. Вылез откуда-то черный жу-чишко и стал проделывать гимнастические упражнения. Он складывал и распускал жесткие, отливающие радугой надкрылья.

Возле самых глаз блестящей бусинкой раскачивается на тонкой ниточке паучок. Лена следит за каждым его движением. Так ей легче. Потому что лучше думать о паучке, чем о свалившихся на ее голову напастях.

Смотрит Лена на паучка-акробата, загадывает:

— Кверху — счастье, книзу — горе. Кверху — счастье, книзу — горе...

Что ты предскажешь девочке, маленький колдунишко? Пожалуйста, поднимись вверх! Что тебе стоит?

Покачался, покачался паучок, словно в раздумье, и, мелко перебирая лапками, стал подтягиваться на паутинке.

— Радость! Радость! — поверила Лена паучку.

А что? Пауки, они заранее знают: Добрая или Дурная Весть спешит к человеку.

И правда, хрустнул сучок, дрогнула ветка. Кто-то идет к Лене. Вдруг Ванечка? Вот радость-то! А если сама Кики-мора? Пусть! Лена готова и к этой встрече. И то, что она вся связанная, еще ничего не значит.

— Так вот она где, дорогуша! Далековато забежала. Слава богу, нашлась хоть, — вытирая покрасневшее лицо концом головного платка, вылезла из-под еловой лапы та самая тетушка, что вчера утром показывала фокусы на лестничной площадке.

Что ж ты, паучок, обманул девочку? Мы-то хорошо знаем, что от Тетушки Дурные Вести ничего доброго ждать не приходится.

Тетушка уселась на поваленное дерево, вытянула ноги в пыльных сапогах:

— Хорошо-то как, благодно! До чего приятно после дальней дороги отдохнуть в холодке. Да-а, годы... Годы, дорогуша, берут свое. Раньше-то я бойка была, легка на ногу.

Верст сотню отмахнешь — и хоть бы что. Зато люди, бывало, удивляются: и как это, мол, она ухитряется в одно и то же время находиться в разных местах? А я, что ж, говорю, — на то я и Весть, чтобы повсюду успевать.

Повернулась тетушка к Лене, разглядывает:

— А чегой-то ты тут разлеглась? Уморилась, что ли? Батюшки! — всплеснула руками. — Ахти, что делается! А-ах-ах! Как он укрутил-то тебя! Как увязал! Надо же! Вот тебе и родной братец! Ай-яй-яй!

Никак не поймет Лена, о чем толкует странная тетушка. Братец? При чем тут братец?

А Тетушка Дурные Вести не перестает охать и ахать:

— Ох-хо-хо! На погибель в лесу кинул сестрицу! Ах он, проказник!

— Врешь! — не очень вежливо прервала Лена тетушкины излияния. — Это не Ванечка. Это Кикимора твоя.

— Как бы не так, дорогуша! — усмехается Тетушка Дурные Вести. — Как бы не так. Все он, голубчик мой, все он! Он один... А то кто же? Ты ведь к нему на помощь спешила? К нему! А спросила бы, нужна она ему, твоя помощь-то?

— Нужна! — отрезала Лена.

— Нет, дорогуша! Ошибаешься. Он ведь как тебя встретил, вспомни-ка? А? Кулаками да злыми словами! А Злое Слово, оно большую силу имеет — оно без ножа зарежет, без веревки увяжет — всех сил лишит человека! Во как! Поняла теперь?

Молчит Лена, только об одном думает, как бы не расплакаться от смертельной обиды, как бы не показать своих слез противной тетке. А та продолжает:

— Лежать тебе тут, дорогуша, пока Ванечка твой тебя Добрым Словом не вспомнит. А как же — дождешься от него Доброго Слова! Однако мне с тобой ляды точить некогда. По делу я к тебе, — Тетушка Дурные Вести полезла в сумку. — Да где же она запропастилась?

Насторожилась Лена. Сжалось сердце недобрым предчувствием.

— Телеграмма тебе, дорогуша, от папеньки...

— От мамы? — дрогнувшим голосом спросила Лена.

Тетушка не успела и рта раскрыть. Откуда ни возьмись — стая воробьев. Вьются, мечутся, кричат пронзительно серые птицы. И Петька среди них — собственной персоной.

— Кыш! Кыш, проклятые! — одной рукой отмахивается от птиц Тетушка Дурные Вести, а другой прижимает к груди сумку. Наконец, изловчившись, выхватила какой-то листок и сунула в руку Лене:

— На-кось, держи крепче! Папенька твой понапрасну ждал мамочку. (Кыш! Кыш! Окаянные!) Ждал и не дождался. Не прилетел самолет. Неизвестно, куда запропал самолет с твоей маменькой...

Потемнело в глазах у Лены, и все исчезло — и огромные ели, и крикуны-воробышки, и Тетушка Дурные Вести с ласковым и злым лицом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой Ванечка радуется Кикимору Никодимовну

Хорошо просыпаться дома в собственной мягкой постели. Ты уже знаешь, что не спишь, а глаз открыть еще нет силы, и в голове все вперемешку — и то, что было с тобой вчера, и то, что вот-вот приснилось. Но позовет тебя добрый мамин голос, и развеются вмиг ночные видения, и встретит тебя веселое светлое утро.

Лежит Ванечка и думает, до чего же диковинный сон ему привиделся и как хорошо, что это только сон. Вот сейчас подойдет Серафим, пощекочет пятку когтистой лапой. И Ленка строгим голосом скажет: «Хватит валяться! Пора завтракать».

Хорошее дело — завтракать. Он готов съесть хоть целый самосвал оладий и выпить цистерну молока. Но Ленка почему-то молчит, и Серафим не торопится его будить. Придется, видно, просыпаться самому.

Открыл Ванечка глаза — ничего понять не может. Все, что ему наснилось, тут, рядом с ним — наяву: и старуха в кружевном воротничке, и обе девчонки: большая — зеленая и маленькая — рыжая.

— Проснулся! Проснулся! — запищала рыжая. Ябедкой, кажется, называла ее вчера старуха.

— Ах ты, красавчик мой! Ах ты, маленький! — сухая рука тянется погладить Ванечку по голове.

— Я не маленький! — увернулся он из-под старухиной руки. — И никакой не красавчик! Я Ванечка.

— Ванечка! Надо же! — умилилась старушка. — Очень приятно! А я Кикимора Никодимовна. Вот и познакомились. А это мои ученицы. Школа у меня тут особая, лесная. Вот и ты ее учеником будешь.

Хотел было Ванечка рубануть по привычке: — Не хочу! Не буду! — да зеленая девчонка так зыркнула на него своим желтым глазом, что у Ванечки язык прирос к гортани.

— А у нас порядок такой, — продолжает старушка. — По именам мы никого не зовем. У всех моих учеников прозвища. Вот она, — старуха ткнула пальцем в зеленую, — Злючка-Гадючка, а эта — Ябедка. Тебе со временем тоже имечко подберем. Придумаем что-нибудь.

Подумал Ванечка: нехорошие какие-то прозвища у девчонки, обидные, но опять промолчал — с такой публикой лучше не связываться.

Злючка-Гадючка смеется:

— И придумывать ничего не надо. Ванечка-Ослиные Уши, вот он кто!

Перепугался Ванечка — ослиные уши! Он и забыл про них. Вот ведь беда какая! Опоили его в лесу Капризицы заколдованной водой. Как же теперь жить ему на белом свете с таким безобразием? Будь бы он девчонка — волосами прикрыл или под платок спрятал. А тут никому на глаза не покажешься. Хоть ложись и помирай!

— Тетечка Никодима Кикиморовна! — завопил несчастный Ванечка. — Как же я теперь? Неужели они ко мне навсегда приделались?

— А уж это мы посмотрим на твое поведение, — хитро сощурилась Кикимора Никодимовна.

Ванечка тут как застрочит, будто из пулемета:

— Хорошее у меня будет поведение! Никогда не буду упрямиться. Капризничать ни за что! С Ленкой не буду драться... Серафима не трону... И слушаться буду — и маму, и Ленку — и вообще!

Подскочила старуха, замахала руками:

— Чур меня! Чур, чур!

Вертится Кикимора волчком, плюется. Удивляется Ванечка, что это с бабушкой творится? В своем ли она уме?

Наконец упала на табурет, дышит тяжело, со свистом.

— Ванечка, — говорит жалобно. — Разве так можно пугать старого человека? Не поминай ты ее, эту Ленку. Ты даже не знаешь, сколько она тебе вреда причинила. Очень плохая девочка. Во все свой нос сует. Если б не она, никаких бы с тобой превращений не было. Из-за нее ведь твои уши-то выросли. Только из-за нее одной! Правду говорю. Зачем мне врать? Какая мне из того корысть? Наградила тебя ушками сестрица, а я теперь думай-гадай, как тебя от них избавить. На что я волшебница опытная, и то не знаю, смогу ли...

Расплакался Ванечка — умоляет Кикимору помочь его горю. Он на все согласен, лишь бы опять стать нормальным мальчишкой. А про эту Ленку-злодейку он и думать забудет.

Переглянулись Кикимора со Злючкой-Гадючкой, улыбнулись. Не думали-не гадали, что так просто окажется приручить Ванечку. Кикимора Никодимовна даже специально подалше от дома услала Брацен-Упрямцев да Сестриц-Капризиц, чтоб не мешали ей проводить с Ванечкой воспитательную работу.

— Умница! Молодец мальчишка! — хвалит Ванечку Кикимора, — из кармана конфету тинет, шоколадную, в яркой обертке. — На-кось, скушай!

Проглотил Ванечка, даже вкуса не разобрал. Кикимора его клюквенным киселем потчует. Поел Ванечка. Стало на желудке тяжелее, на душе — полегче.

— Ну, вот что, Ванечка, — говорит Кикимора. — Сейчас мы тебе устроим маленький экзамен.

Насупился мальчишка: не было печали — экзамены среди каникул!

— А как же, деточка? Надо посмотреть, какие у тебя таланты и способен ли ты к нашему обучению. Мы в свою школу кого попало не берем.

«А что если провалиться на этом экзамене? — мечтает

Ванечка.— Все-таки дома с мамой и Ленкой лучше... Ой, опять некстати Ленку вспомнил! Обещал же...»

Посмотрела старуха на часы, заторопилась:

— Забирай, Злюченька, мальчика да прогуляйтесь с ним к Черному Болоту. Делом займитесь и свежим воздухом подышите заодно. А я тут... работа у меня срочная. Книги инвентарные проверить, то да се...

— Знаю я твою работу,— тряхнула волосами Злючка-Гадючка.— Опять будешь-шь целый день сидеть у телевизора. А тут гни спину, надрывай здоровье!

— Тише ты!..

— А чего тиш-ше? — шипит Злючка.— Надоело!

Схватила ее за руку Кикимора, утащила в дальний угол. А у Ванечки слух острый, все на лету ловит.

— Пусти ты меня, старая, к людям,— заседала на Кикимору Злючка-Гадючка.— Опротивела мне твоя канцелярия. Живого дела душа просит.

Подскочила Ябедка, дергает Кикимору за подол:

— Не верьте ей, тетенька! Ей в кино хочется, на танцы. Отмахнулась от Ябедки Кикимора, шепчет Злючке на ухо:

— Пущу... Право слово, пущу! Ни секундошки держать не буду! Только с мальчишкой помощи. Надо его на ноги поставить...

— Обещать ты умеешь,— недоверчиво щурит свои желтые глаза Злючка-Гадючка.— Но учти, я тебе не Капризицы, не Упрямцы. Меня вокруг пальца не обведешь.

Ванечка сидит на диване, дырочку в чехле нашел, расковыривает. Подошла Злючка, посмотрела подозрительно:

— Ну, пошли, что ли!

За ними Кикимора торопится, скорее дверь на запор.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*в которой Ванечка проваливается на экзамене,
но это остается в секрете*

Вышел Ванечка вслед за Злючкой-Гадючкой на крыльцо, осматривается. Кругом все бурьяном заросло. Из бурьяна торчат кривые черные стволы. Когда-то, должно быть, деревья были, а сейчас мертвые коряжины.

От покосившегося замшелого крылечка ни дорожки, ни тропиночки. Злючка не спешит, подняла гибкие руки, закинула за голову — потягивается. И кажется Ванечке, что и девчонка эта, и мертвые деревья, и вросшая в землю избушка с бабкой Кикиморой — все это неправда. Не бывает такого на самом деле. А что если он просто уснул и никак не может проснуться? Тайком, чтоб не видела зеленая девчонка, ущипнул себя Ванечка за руку. Хоть и больно, а все осталось как прежде. Страх напал на мальчишку:

— Не буду я так! Не хочу! Неправда это. Все неправда! Нету вас никого! Придумались вы мне понарошке... Вот возьму и уйду! Возьму и уйду... — и опрометью с крыльца.

В то же мгновение какая-то сила подхватила и подкинула его вверх. Злючка-Гадючка едва на ногах стоит от смеха.

А Ванечка болтается на кривом суку: зацепился майкой, никак не может освободиться.

— Ну ты... Гадючка! Слышишь? Сними!

— Попроси хорошенько! Ишь чего захотела! Будет

он тут всяким зеленым девчонкам кланяться. Очень надо.

— Не хочешь — как хочешь...

Бьется Ванечка, как перскарь на крючке. Хочет майку сдернуть — не снимается майка, приклеилась. Хочет сук обломить — гнется сук, не ломается, только поскрипывает — хо-чет по-своему, по-деревянному. А Злючка-Гадючка устроилась на перильцах, босыми ногами побалтывает. Ей кино.

Выбился Ванечка из сил.

— Ну ладно! Сними... пожалуйста! По-человечески тебя просят...

— Хряп! — сказал сучок, и Ванечка кубарем покатился в бурьян.

— Никчемушный ты человечешко! А еще, наверное, воображаешь из себя, — кривится Злючка-Гадючка. — И чего в тебе

нашла бабка Кикимора? Ничтожество... Трус! Три литра заячьей крови.

Такого Ванечка стерпеть не мог.

— Врешь! Не трус я! Как дам — так узнаешь заячью кровь, змея желтоглазая!

Злючка-Гадючка смеется:

— Какой проникательный! А ты мне начинаешь нравиться.

Надулся Ванечка — очень надо ему всяким нравиться!

Соскочила Злючка-Гадючка с перил:

— Пойдем, Ванечка. Я тебе Черное Болото покажу.

Больно нужно ему это болото, а идти надо. Не то опять какой-нибудь фокус выкинут. Для них это раз плюнуть. Шаг ступил Ванечка и остановился. Земля под ним гнется как пружинный матрац, и холодная липкая грязь сочится в сандали.

Оглянулась Злючка-Гадючка:

— Что, Ванечка, стал столбом? Пейзаж не по душе?

— По душе, — огрызнулся Ванечка.

— Меня боишься? — обворожительно улыбается Злючка-Гадючка. — Не бойся. Я тебя не обижу. Мне пока не велено.

И чего она воображает, эта зеленая! Такая же девчонка, как и Ленка, только еще вреднее. А тоже волшебницу из себя строит. Дать бы ей хорошенько, чтоб знала...

Злючка ухватила руками за толстый сук, покачивается.

— Ванечка, — воркует сладким голоском. — Открой ротик.

Скажи «а»!

Как же, будет он ее слушаться!

— «Бе-е!» — высунул язык Ванечка.

— Гениально! — смеется Злючка-Гадючка. — А ну иди сюда!

Сделал Ванечка один шаг, глянул себе под ноги и отшатнулся. Прямо под ним, замаскированное листьями и травами, холодно блестит огромное черное зеркало. Злючка тронула его босой ногой. Гладкая, словно отполированная, поверхность дрогнула и пошла ленивыми кругами.

— Черное... — сказала Злючка-Гадючка. — Черное Болото!

— Белое! — решительно отрезал Ванечка.

Это походило на игру и начинало ему нравиться.

— Ах, белое? — поджала губы Злючка-Гадючка. — Значит, белое? А Леночка? — она наклонилась к самому Ванечкиному лицу. — Леночка — хорошая девочка? Да? Отличная девочка? Не так ли?

— Ленка?

— Ну... ну! Говори! Говори скорее! — глаза у Злючки-Гадючки расширились — гипнотизируют.

Чего, кажется, стоит ему сказать, что Ленка вредная, противная, задавака? Бывало, сколько раз кричал ей в лицо эти обидные слова? Но одно дело крикнуть сгоряча, а другое — когда вот так насильно заставляют. Молчит Ванечка. Брови нахмурил, на лбу упрямая складочка.

— Будешь говорить или нет? Будеш-шь? — шипит Злючка-Гадючка.

Молчит Ванечка, хоть и нет рядом Братцев-Упрямец. Ну да у Ванечки и своего упрямства хватает.

— Говори! — трясет его за плечи Злючка-Гадючка. — Говори: «Ненавижу... ненавижу! Скверная Ленка! Противная Ленка! Ужасная Ленка!»

— А вот и нет! А вот и нет! — обрадовался Ванечка. — Не скверная! Не противная! Не ужасная! Нет! Нет! И нет!

— Ага! — злорадно пищит кто-то рядом. — Я все-все расскажу тетеньке Кикиморе! Вот ты его чему учишь, Злючка-Гадючка!

Подняла Злючка-Гадючка Ябедку за платьишко:

— Смотри мне! Со мной шутки плохи... У меня живо сгинеш-шь без следа...

— Ой! Ой! Пусти меня, Злюченька! — испугалась Ябедка. — Я так... по привычке! Я про тебя ничего не скажу! Я жить хочу-у-у!

— Смотри мне! — швырнула Злючка Ябедку в лопухи, отряхнула руки, косится на Ванечку желтым глазом. — И ты гляди — не проговорись! У меня руки подлиннее Кикимориных...

Ванечка молчит. А что он скажет? Не очень-то дружно живут старухины ученики.

Злючка-Гадючка опять поболтала ногой в болоте.

— Спрашивать тебя Кикимора будет, понравилось ли Черное Болото, похвали. Ей будет приятно. Она родилась в этой поганой луже, — Злючка плюнула в самую середину черного зеркала. — Предмет ее особой гордости. Вроде бы в нем скрыта волшебная сила. Только кто теперь этому верит? Сейчас вся нечистая сила в люди выходит, в города перебирается. Ближе к цивилизации. А старуха уперлась — ни в какую! Жалко ей, видишь ли, бросить насиженное место! Пилит без конца: вам, молодым, ничего не дорого, вам лишь бы одни удовольствия. Такая гримза зловредная! А ты чего развесил уши? — вдруг напустилась она на Ванечку. — Я ничего не говорила — ты ничего не слышал! Понятно?

— Понятно, — отвечает Ванечка.

— Ну что? Хватит на сегодня? Или еще в Пещеру Кош-

маров сходим? Веселое местечко — лучше цирка. Там привидения живут. Настоящие. Хочешь посмотреть?

— Хочу! — заявил Ванечка. Пусть эта зеленая задавака не думает, что он трус.

А зеленая смеется:

— Зря стараешься... Экзамен, между прочим, ты не выдержал. Только я Кикиморе об этом не скажу. Отличный, скажу, мальчик, просто гениальный мальчик.

Тряхнула Злючка-Гадючка своей гривой и зашагала прочь от болота. Ванечка едва поспекает за нею.

— Послушай, Злючка! — он тронул ее за локоть. — Что за школа у вас?

— Чего?

— Кого из вашей школы выпускают? По какой специальности?

— По злодейской. Вот по какой!

— Что-о? — Ванечка даже приостановился. Шутки, что ли, шутит девчонка?

— По зло... злодейской?

— А что? Хорошая профессия, — говорит совершенно серьезно Злючка-Гадючка, — людям зло делать.

— А я не хочу людям зло... Я хочу быть геологом.

— Ну и будь на здоровье! Одно другому не мешает.

Удивительное дело! Папа заводы строит. Мама книги в библиотеке выдает. Когда у Ванечки болело горло, к ним приходил врач в белом халате. В магазинах продают хлеб и колбасу продавцы. Автобусы водят шоферы. Есть еще летчики, геологи, учителя, танкисты, шахтеры. И даже дикторы телевидения. Много профессий знает Ванечка. А о такой никогда не слышал.

— Быть квалифицированным злодеем, — говорит назидательно Злючка-Гадючка, — дело серьезное. Для него особый талант нужен. Вот у меня талант. А из тебя еще неизвестно что получится. Но ты ведь, кажется, мастер делать гадости?

Это уж она зря! Конечно, Ванечка всегда был не прочь созорничать. Но зачем же так прямо «гадости»? Ну с Ленкой

подерется, Серафима за хвост дернет, убежит куда-нибудь без спросу... Только ведь он не нарочно. Это у него само собой получается.

Даст, бывало, Ванечка маме самое свое честное и верное слово, что не заглянет без спросу в ее туалетный столик и, разумеется, собирается, как настоящий мужчина, сдержать это слово. Но чем он виноват, если этот противный столик сам нарочно на глаза лезет? Так и зовет, так и приманивает:

«Ну загляни, загляни в меня — никто не узнает, а у меня столько завлекательных вещей для тебя припасено». Разве тут выдержишь? Сначала Ванечка решает просто выдвинуть ящик и посмотреть, только посмотреть, и ничего не трогать руками. Но все кончается тем, что он непременно разольет что-нибудь, рассыплет или сломает.

— Что, Ванечка, обременительно быть хорошим мальчиком? — усмехается Злючка-Гадючка. — А непослушному и злому куда легче живется.

— Стыдно, — шепчет Ванечка. — Потом стыдно бывает.

— Ха! — беспечно машет рукой девчонка. — Это только с непривычки. А как привыкнешь — одно удовольствие! Хорошо живется злым, Ванечка. Можешь мне поверить. Никого тебе не жалко. Ни о ком у тебя душа не болит. А чего тут хорошего, когда болит душа? Это еще хуже, чем зуб или живот. Хочешь знать правду? — Злючка-Гадючка наклонилась к Ванечкиному уху. — Если б у тебя сейчас не болела душа за Ленку, ты бы уже избавился от этого украшения, — и она щелкнула тонким и гибким, как пруттик, пальцем по его уху.

Вот ведь люди! Дались им эти злосчастные уши! Только забудешься — обязательно напомнят.

Так Ванечке стало жалко себя — хоть плачь! Мама уехала — соскучилась. Как будто он не соскучился! И Ленка, и Серафим — все его бросили. Никому до него дела нет. А он тут должен мучиться, голову себе ломать, как ему жить дальше.

А что если назло всем взять и выучиться на злодея? Тогда все ребята на улице будут перед ним на цыпочках ходить. А он станет ими командовать и делать все, что ему захочется. И слушаться никого не надо. Вот жизнь — так жизнь!

А как же мама? И папа?.. Папа всегда говорил, что мужчина должен быть сильным и добрым. Непременно добрым. Иначе грош цена его силе. А Ленка? Что с нею будет?

Нет, нельзя, никак нельзя ему становиться злодеем. Но эти ужасные уши? Как он покажется с ними у себя во дворе? Все мальчишки будут на него пальцем показывать и смеяться. Особенно Вигька Збых. Мама будет плакать и потихоньку пить лекарство. А Ленка высокомерно выгнет свою бровь и скажет: «Так я и знала...»

Нет, нельзя ему возвращаться домой в таком нечеловеческом виде!

Вот задачка! Перелистай все на свете учебники — не найдешь такой трудной.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой выясняется, что паучок был прав,
а Лена стала жертвой чудовищного обмана*

— Лена! Леночка!
Кто это? Мама?..

— Мама? Ты жива? Ты вернулась?

Нет, это не мама, над нею наклонилась молоденькая девушка. Лицо у девушки доброе и все в золотистых солнечных крапинках, а глаза синие-синие.

— Жива твоя мама, Леночка. Долетел самолет. Ничего с ним не случилось.

— Жива? И все хорошо?

— Все хорошо, Лена.

— А ты кто? Ты фея?

Померкли веснушки. Девушка погладила свою почтальонскую сумку и вздохнула:

— Нет, Леночка. Я всего-навсего Весть, Добрая Весть. Люди зовут меня Наденька-Радость. Потому что их радуют встречи со мной. Но ведь то добро, что я приношу им, делает кто-то другой, а не я. И это грустно. Может быть, когда-нибудь я и сама научусь делать добрые чудеса. Тогда я стану насто-

ящей феей. Такая есть у меня заветная мечта. А если чего-то очень хочешь, то в конце концов обязательно добьешься. Не так ли?

— Наденька-Радость, подожди,— Лена наморщила лоб, припоминая.— Вот здесь паучок на паутинке качался, как на качелях. Веселый был паучок. Он обещал мне радость. И я ему поверила. А потом пришла тетушка с сумкой...

— Вот эта? — Добрая Весть кивнула на скромно стоящую в сторонке Тетушку Дурные Вести.— Я ее очень хорошо знаю, Лена.

— Она тоже назвалась Вестью.

— Это Дурная Весть, Лена. А ну-ка, дай сюда ее телеграмму!

Разжала Лена кулак, а в нем смятая бумажка. Совершенно чистая бумажка — ни единого словечка, ни единой буковки.

Смотрит Лена во все глаза — ничего понять не может. Вот ведь чудо! Прямо как в сказке.

Что же все-таки случилось? Куда запропала настоящая телеграмма? Откуда в Дальнем Лесу оказался Петька со своими дружками? Знаешь что? Давай-ка заглянем в прошлое. В сказке это очень просто делается. Стоит только перевести назад стрелки на Старых Часах. Вот так. Видишь, теперь они показывают половину шестого...

На дворе раннее утро. Все дети спят. На улицах и во дворах нет никого, кроме дворников и воробьев, просыпающихся с рассветом. У дверей квартиры, где живут Ванечка и Лена, появилась Добрая Весть. Она достала из сумки телеграмму и нажала кнопку Дверного Звонка. Звонок ответил ей тревожно и грустно.

Тебе приходилось когда-нибудь звонить в пустую квартиру? Звонок тогда отзывается совсем иначе, он будто говорит:

— Мне очень жаль, но дома никого нет.

Добрая Весть поняла, что сказал ей Дверной Звонок. Расстроенная и озабоченная, вышла она из подъезда и присела на скамью. Что делать? Искать детей? Но у нее скопилось

великое множество вестей. Столько людей ждет ее к себе сейчас же, сию минуту, и она не имеет права опоздать. Тогда кто-то не встретит на вокзале близкого человека. Кто-то обидится на лучшего друга. Кто-то, не получив долгожданной телеграммы, будет волноваться и пить валериановые капли.

Но Ванечка и Лена? Где же они? Что с ними?

— Ах, если бы я была феей! — вздохнула Добрая Весть. И тут она заметила, что возле нее, пытаясь привлечь внимание, вьется стайка воробьев. Особенно старается один — взъерошенный, отчаянный, нахальный. Ты, конечно, сразу узнал его. Это был приятель Лены — Петька. Добрая Весть протянула руку. Петька, спланировав, уселся на раскрытую ладонь и пронзительно закричал. Его дружкам тоже захотелось вставить словечко. Но их было так много, что получился невероятный гвалт. Добрая Весть с трудом разбирала их сбивчивый рассказ.

— Дальний Лес.. Дальний Лес... — повторила она в раздумье. Потом встала решительно: — Вот что, юноши! Есть дело. Ответственное дело. Не знаю, справитесь ли...

Воробьи отозвались громко и дружно.

— Хорошо, хорошо! Вот видите, телеграмма. Для Ванечки и Лены. Она им поможет в трудную минуту. Найдите детей во что бы то ни стало. И отдайте. Только им — больше никому. Понятно? Смотрите — беречь пуще глаза. Ну, ни пуха, ни пера!

Подхватили воробьи телеграмму и дружно взмыли в воздух.

Как славно, как хорошо за городом! Вот бы где полетать, покувыркаться на просторе. Но дело есть дело, и Петька крепче сжал клюв. Телеграмма не тяжелая, но лететь с нею неудобно. Поэтому время от времени воробьи сменяли друг друга. Они довольно быстро добрались до опушки Дальнего Леса. Решили сделать привал. Кто знает, что ждет их в этом самом Дальнем Лесу. Не мешает подзаправиться на всякий случай.

И тут Петька услышал приятные, прямо-таки завлекательные звуки: щелк, щелк... Сомнения быть не могло — кто-то совсем близехонько щелкал подсолнечные семечки. Самые вкусные, самые прекрасные на земле подсолнечные семечки! Воробьишки бережно опустили телеграмму на вовремя подвернувшуюся кочку, и Петька полетел на разведку. Так и есть! На траве расположилась толстая тетка — лежит себе, блаженствует и щелкает семечки.

Многое может стерпеть стреляный воробей, но преодолеть соблазн полакомиться вкусными маслянистыми зернышками не в его силах. И Петька призывно зачирикал, сзывая на пир своих приятелей. Серая стайка рассыпалась в траве у ног толстухи. А та ничего, та даже сыпанула им полную горсть — лакомьтесь, мол, мне не жалко. Вот это был пир так пир!

Тетка встала, лениво потянулась и не спеша побрела прочь, волоча за собой большую хозяйственную сумку.

С угощением было покончено незамедлительно. Не обошлось, разумеется, и без небольшой потасовки. А когда все отношения были выяснены, Петька вспомнил о телеграмме.

Вот и кочка — та самая. Редкая травка шелестит под ветром. Из нее проглядывает голубой глазок цветка. Над

цветком вьется золотистый шмель. И все! И никакой телеграммы. Будто ее здесь никогда и не было.

Заметались в отчаянности обворованные разини. Все обыскали кругом, под каждый листок заглянули. Нет как нет! Вот тебе и вкусные семечки! Вот тебе и добрая тетя! Провели их, как желторотых птенцов.

Тетки нигде не видно — как в воду канула. Собрали воробьишки военный совет. Шум, гам на всю округу — а толку никакого. Наконец порешили искать Лену и Ванечку, а там видно будет.

Воробьишки — народ веселый, общительный. Им подавай просторные дворы, побольше солнца. И чтобы люди неподалеку были. Привыкли птицы к своим бескрылым соседям. Жить без них не могут, хоть и держатся на определенной дистанции.

А тут лес, да какой — темный, сумрачный, насупленный. Сжался Петька в комочек, метнулся в чащобу, а за ним один по одному и его верные соратники.

Нашли они и Лену и коварную толстуху. А какая от того польза? Что они могут, малые птахи? Были бы на их месте орлы или хоть ястребы, досталось бы тогда обманщице на орехи за ее семечки.

Хорошо, что вовремя подоспела Добрая Весть.

Толстуха с сумкой перед ней провинившейся школьницей — глазки вниз, тербит кончик платка:

— Невиноватая я... Нашла на кочке... Вот она, твоя телеграмма. Возьми, пожалуйста! В траве валялась. Подняла я просто так — из любопытства. А сама знаешь: не может весточка оставаться доброй, если она попала в мои руки. А я что? Я ничего. Весть я — и все тут.

— Нет! — девушка сурово свела тонкие брови. — Ты не только Весть. Ты сила. Страшная сила. Ты убить можешь. Я тебя ненавижу. Уходи!

Развела руками Тетушка Дурные Вести:

— Что делать? Насильно мил не будешь. А прогнать меня, дорогуша, не в твоей власти. Потому-то я и здесь, что

нужна. Вот ей, Леночке-бедняжке, нужна. Пошлет она меня сейчас к папеньке и маменьке. А как же! Ванечка в беду попал. Сообщить надо. Непременно надо.

Смотрит тревожно на Лену Добрая Весть, а вмешаться не может. Как решит девочка, так тому и быть.

— Нет! — твердо говорит Лена. — Обойдемся без твоих услуг, Дурная Весть. Мало ли что в жизни случается? Сами во всем разберемся. Так ты и знай!

— Молодец! — не удержалась Добрая Весть.

— Не очень-то гордись, — скривилась Тетушка Дурные Вести, уходя. — Авось погибать будешь, закричишь, — мама! Однако поздно будет.

Вручила Добрая Весть, как и положено, Лене настоящую телеграмму.

— «Все хорошо, — прочитала Лена. — Будьте умниками тчк Скоро увидимся тчк Целуем мама папа», — и... заплакала.

Но Добрую Весть это несколько не огорчило. Разве плохо, когда люди плачут от радости?

— А теперь вставай! — командовала Добрая Весть. — Хватит понапрасну валяться!

— Не могу, — жалобно протянула Лена.

— Можешь! Не имеешь никакого права не мочь! Зря, что ли, мы для тебя старались? — и она подмигнула смиренно сидящим вокруг воробышкам. Те конфузливо чирикнули и наклонили головенки.

— И еще я так думаю, — синие глаза Доброй Вести лукаво блеснули. — Ванечкино злое слово наверняка сейчас не такое уж прочное. Ну — давай руку! Вот так! Молодец!

Встала! Назло всем Кикиморам и Дурным Вестям встала Ленка! Стоит — и ничего! И даже руки немножко развести может. И шагнуть... Вот смотрите — пожалуйста! Коротенький, правда, шажок — но ведь это только начало. Теперь она во что бы то ни стало разыщет Ванечку!

— Смелее, Лена, смелее! — подбадривает ее Добрая Весть. — А мне тоже пора в дорогу, — помолчала, прислушалась. — Если б ты могла слышать! Сколько голосов! И все зовут меня, торопят... Я вечно в дороге, Лена. Но это ничего. Я привыкла. Это очень хорошо, что людям никак не обойтись без Доброй Вести. Правда, я сама ничего не могу... Вот и для тебя — всего только одна маленькая телеграмма. Если бы я была феей!..

— Не говори так! — Лена прижалась щекой к плечу девушки. — Добрая Весть как глоточек счастья. Спасибо тебе, Наденька-Радость! Я должна идти — и я иду. Но мы еще встретимся. Мы скоро встретимся. Ты сразу приходи, как услышишь мой голос. Хорошо?

— Я приду. Я обязательно приду к вам, — и Добрая Весть коснулась растрепанной девчоночьей головы своей легкой ладонью. — Добрый путь тебе, девочка! И пожалуйста, будь осторожна. Не доверяйся Кикиморе... Не доверяйся, Лена!

Поправила на плече ремень от сумки, махнула рукой на прощанье — и как будто ее не бывало.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

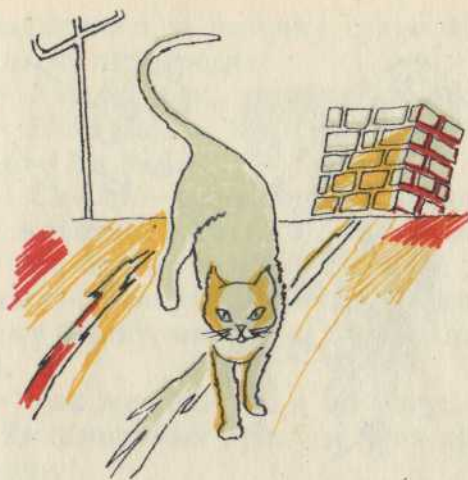
*в которой происходит ужасный переполох
и при этом выясняется, что Кикимора
Никодимовна не любит кошек*

С Ванечкой, как ты помнишь, мы расстались в тот критический момент, когда он решал, кем же ему все-таки стать в жизни. За девять прожитых лет мальчишке впервые пришлось основательно призадуматься. Но сколько он ни ломал голову, ничего подходящего не придумывалось. Выходило — или становись злодейской личностью, или оставайся с ушами.

— Ты что? Заснул? — толкает его под бок Злючка-Гадючка. — Слышишь, у нас опять концерт самодеятельности.

От Кикимориного домишка доносится разноголосый шум и гам. Ванечка прислушался. Точно! Его знакомые уроды надрываются. А вот и сам домишко выглянул из бурьяна. На крыльце сбились в кучку, жмутся к двери Братцы-Упрямы и Сестрицы-Капризицы. Упрямы басовито гудят на одной ноте. Капризицы взвизгивают, как поросята, когда тех дергают за хвост.

Ванечка даже позавидовал, как это ловко у них выходит.

Он бы не смог. Удивительно одно, почему старуха терпит такой тарарам? Выскочила б да поддала им жару.

А Кикимора Никодимовна ничего не видит и не слышит, кроме происходящего на экране. Тот, кто является истинным болельщиком, поймет и не осудит старушку: шли последние минуты матча...

Завидев Ванечку и Злючку-Гадючку, вся веселая семейка кинулась к ним. Тянут Злючку за подол, сами пальцем то в Ванечку тычут, то на крышу показывают. На крыше, возле телевизионной антенны, в небрежной гордой позе возлежит тигроподобное существо. Сахарной белизной отливают щегольская манишка, изумрудно светятся круглые глаза. Взирает свысока на суматоху Его Кошачье Благородие.

— Серафим! — ахнул Ванечка.

Ну, конечно же, Серафим! Кто же еще может быть? И мальчишка закричал радостно:

— Симка! Симка! Кис-кис-кис!

Серафим повел ушами, вытянул шею и беззвучно раскрыл пасть. Влажно блеснули острые зубы.

Вся ватага завизжала так, что у Ванечки чуть не лоп-

нули барабанные перепонки. Откуда-то выскочила Ябедка, забила кулачками по двери:

— Тетенька!

— С ума сош-шла...— зашипела на нее Злючка-Гадючка.— Старуха за «Спартак» болеет. Сами управимся.

Не успел Ванечка одуматься, глядь, на крыше против Серафима — зеленая змея. Свернулась пружиной, готова метнуться в смертельном броске. Закрыв Ванечка глаза. Все пропало. Погиб Серафимка. Добрый, славный, мудрый Серафимка!

— Попомни, Ванечка! Это тебе зачтется! — Злючка-Гадючка стоит на крыльце, отряхивает помятое платье. Глаза не желтые — белые от ярости. На щеке кровь — след Серафимовых когтей.

— Что за шум? — открыла дверь Кикимора Никодимовна. Вид у старушки благодушный: выиграла, значит, ее любимая команда. Увидела Злючкины раны — все благодушие как рукой сняло:

— Кто посмел?

— Его... вот его, Ванечкин, кот! — подскочила Ябедка.

Вытянулись в ниточку сухие Кикиморины губы — то ли улыбка, то ли угроза:

— Как же так, деточка? Мы к тебе по-доброму...

— Я не знаю... Я не виноват... — Ванечка часто-часто заморгал. — Он сам...

— Са-ам? — удивилась Кикимора. — Ах, какое умное, развитое животное! Хотелось бы познакомиться с ним поближе... — она больно зажала в кулаке длинное Ванечкино ухо. — Если ты сию минуту не поймаешь своего хищника и не открутишь ему башку, мне будет очень жаль твоей короткой молодой жизни.

— Как же так? Я... я не могу... Не умею! — бьется Ванечка в Кикимориных руках. — Я на крышу не умею... Высоко-о! Я упаду-у!

— Лестницу! Подать сюда лестницу! — командует старуха.

Мечутся без толку уродцы. Не найдут лестницы. Наконец тащат из бурьяна какие-то палки. Давным-давно развалилась, сгнила без надобности лестница.

Кричит Кикимора, кулаками машет, заставляет Упрямец и Капризиц тащить на крышу Ванечку. Те вопят — ни в какую не соглашаются идти на верную гибель.

— Сейчас он у меня сам... не то что на крыш-шу — на небо залезет, — Злючка-Гадючка вытянула руки по швам, голову запрокинула, надвигается на мальчишку. Не девчонка — змеюка ужасная!

И откуда только прыть взялась у Ванечки? Скакнул на перильца. Оттуда по столбу на крышу. Вот уже к антенне подползает.

— Эй ты! Смотри поосторожнее! Ты мне крышу не провали! — кричит ему снизу Кикимора.

Карабкается Ванечка по крыше, твердит про себя:

— Беги, Серафимка, беги... Прячься от меня! Скройся ты с глаз!.. — и зажмурился, чтобы ничего не видеть. Потому что не ловить Серафима, послушаться Кикимориного приказа никак не может. Нет у него на то мужества. И ловить тоже страсть как не хочется.

А снизу кричат:

— Лови его! Хватай его! Бей!.. Бей!

Открыл один глаз Ванечка — не видно кота. Второй открыл — нет Серафима! Обрадовался... А снизу опять:

— Он за трубу ушел! За трубой он... Там ищи!

Делать нечего — пополз Ванечка дальше. Все коленки занозил о разошедшие под солнцем тесины. Заглянул за трубу... Вот он, задавака несчастный! Сидит, лапки подобрал, будто у себя дома. Что ты будешь с ним делать? Опустились руки у Ванечки:

— Как же нам теперь быть, Серафимка?

А кот молчит, прямо в глаза уставился, не моргнет. Те, что внизу, опять за свое:

— Давай его! Давай!..

Вскочил Ванечка на ноги, кричит:

— Нету его! Нету! Ушел! — и кувырком с крыши. Доски под ним трещат, ходуном ходят...

— Ой! Горе мое! Провалит... провалит крышу, шалопай! — причитает Кикимора.

— Ушел кот! — Ванечка спрыгнул на крыльцо. — Дурак он, что ли, чтобы сидеть и ждать, пока его спаают? Исчез. Сгинул.

— Вреш-шь, — шипит Злючка-Гадючка.

— Не веришь — сама проверь.

— Я т-тебя!..

— Уйди! — оттерла плечом Злючку-Гадючку Кикимора. — Я сама с ним потолкую. По-свойски. По-душевному, — и опять хватать за уши, да еще между пальцами закрутила. Специально, наверное, такие смастерили, чтобы сподручней было над ним издеваться.

— Нету кота?

— Нету.

— Ушел?

— Ушел.

— И ты думаешь, что ты очень хитрый? Да?

— Ничего я не думаю.

— А я все знаю! Нарочно упустил кота? Так?

— Упустил! Упустил! Упустил!

Эти крикуны скоро выведут его из терпения.

— Хорошо же, миленький! — погрозила Кикимора пальцем, и нос ее опять стал вытягиваться...

— Что вы? Что вы, Никодима Кикиморовна! Да вы себе не представляете даже, что это за кот! Не кот, а одно наказание. И мама всегда так говорит. Это же шпион. Это же прямо невидимка! Захочет — и нет его. Ищи не ищи — все равно не найдешь! Захочет — вот он, тут как тут. А вообще он толковый кот. Справедливый кот, это я точно знаю.

Давно Ванечка не произносил таких вдохновенных монологов. Разве что когда упрашивал маму привезти ему медвежонка. Говорит мальчишка — и с каждым словом ему веселее делается. Вот чудеса! Такие заколдованные, а самого обыкновенного кота испугались. Что-то тут кроется.

— Ладно! — сказал он покровительственно. — Из-за чего истерика? Подумаешь, кот! Съест он вас, что ли?

Пискнули по-мышинному Капризицы, Упрямы уши прижали. Цыкнула на них Кикимора и улыбнулась Ванечке:

— Конечно, конечно! Ничего особенного. Самый заурядный кот. Ты на них не обращай внимания. Это у них от нервов. Плохо стало с нервами. Болезнь века — ничего не поделаешь. А что касается меня лично, смерть не люблю кошек. Ну прямо душа не выносит! Вечно с них шерсть лезет. И орут... Отвратительно орут. Я еще ни у кого не слыхала таких мерзких голосов. Просто мороз по коже... А этот... ваш, он тоже орет? И постоянно линяет, да?

Ну вот! Старуха говорит то же самое, что и мама. Мама тоже, случается, ворчит на Симку — что голос противный и что шерсть линяющая. Руки заставляет мыть, если с ним поводишься. Только она никогда-никогда не обижала Серафима. И вкусненькое давала. И вообще мама никогда... никого... не обижала. А если ругала и наказывала — значит, заслужил, значит, за дело. И Ленка — не такая уж она окончательно плохая сестра. Просто, видно, судьба у нее — попадаться под

горячую руку. И злость берет, конечно, почему она всегда оказывается права? Теперь вот тоже по ее выходит. Эх, Ленка ты, Ленка! Да где же ты запропала? Плохо без тебя твоему горемычному братцу!

Вдруг — то ли почудилось, то ли на самом деле — едва слышимый голосишко из-за густых зарослей:

— Иду-у, Ванечка!

— Идет! Идет! Ленка идет! — забыв про все, запрыгала Ванечка.

— Тс-с! — выпростала из-под платка ухо Кикимора. — Девчонка? Что это значит? — с грозным видом повернулась она к своим уродцам.

— Не знаем! Не знаем! Мы не виноваты... — стонут Капризицы.

— Не виноваты мы... — насупились Упрямыцы. — Она в лесу валялась связанная. Она совсем погибала.

— Я же вам наказывала глаз не спускать, стеречь до самой гибели! А вы? Да я вас!.. Убрать! Немедля убрать!

Капризицы и Упрямыцы встали сусликами:

— Не можем. Не в нашей власти.

— Мальчишку убрать, дурачье! В Пещеру Кошмаров! Чтоб ни слуху, ни духу!..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой Лена встречается с любезной старушкой и ее милыми внучками

Продирается Лена сквозь глухие заросли. Не к себе домой, не к доброй бабушке в гости — к злой Кикиморе торопится девочка. А легко ли это, когда у тебя, как у коня на пастбище, спутаны ноги? Была бы хоть дорога гладенькая, а тут, что ни шаг, то ямина, валежина или куст, похожий на моток колючей проволоки. И чем дальше, тем путь труднее, мрачнее лес, тяжелее воздух. Не иначе близко болото. А в нем и Кикиморины владения.

Страшно ли девочке? Наверное. Не будем уточнять. Это, в конце концов, не так уж важно, когда человек спешит на помощь другому человеку.

Но что это? Как будто слабеют сети.

И свободней шагается, и легче дышится... Расправила Лена плечи, стряхнула с себя последнюю тяжесть. В руках прежняя ловкость. В ногах — легкость и сила. Свобода — во всех движениях. Это Ванечка. Это его Доброе Слово, его Добрая Мысль!

— Я иду-у-у, Ванечка!

— Ленка-а-а!

Как близко! И будто крылья за спиной у Лены — мчится

на Ванечкин голос, сердце из груди птицей рвется: нашла! нашла!

Домишко возник перед нею неожиданно, враз, вынырнув из зарослей чертополоха. Старый домишко, мытый-перемытый дождями, сушенный-пересушенный ветрами. Скособочился, поглядывает с любопытством малюсенькими оконцами из-под резных наличников. Совсем сказочная избушка на курьих ножках. А на крыше самая что ни на есть современная антенна.

Замедлила шаги Лена. Что же делать дальше?

Дверь распахнулась. Навстречу Лене спешит старушка. Обыкновенная старушка — в больших очках, в черном платье с кружевным воротничком. На лице удивление, руками всплескивает:

— Батюшки-светы! Девочка! Да откуда же ты, милая? Никак заблудилась? Платье-то в клочьях... Коленки побиты... Ах ты, сердешная! Заходи... заходи!

Заходит Лена в горницу, оглядывается — не здесь ли Ванечка? Нет Ванечки. Две девчонки у стены жмутся. Одна рослая, в зеленом платье, глаза желтые, смотрят неприязненно. Другая за нее прячется, маленькая, рыжая.

— Внучки мои... Маша да Наташа. Погостить к бабушке приехали. А тебя-то как зовут, девочка?

— Лена.

— Леночка! — и старушка снова принялась вздыхать да охать, Лену жалеть. А сама времени попусту не теряет — шустрая такая старушка. У нее уже и чайник кипит, и чашки на столе, и ватрушки на тарелке. Внучками командует. Одна Лене умыться помогает, на руки льет из кувшина. Другая из кладовой варенье тащит.

Смотрит Лена на все приготовления — слюнки глотает. Тает, рассеивается без следа ее настороженность. Сомнения быть не может — попала она к добрым людям, а не к Кикиморе Болотной. Разве бывают Кикиморы такими заботливыми, такими человеческими? Да и вообще существуют ли они на свете? Может быть, Кикимора — просто выдумка Тетушки Дурные Вести, очередной ее фокус? Совершенно забыла Лена предостережение Доброй Вести. Откуда было знать ее доверчивому открытому сердечку, что может подчас таиться за приветливостью и заботой.

— Мальчик к вам не заходил? Не встречали вы мальчика?

— Мальчика? Какого такого мальчика?

С чего это вдруг нахмурилась добренькая старушка?

— Ах, мальчика! — заулыбалась она опять. — А как же!

Встречала, встречала, деточка!

Обрадовалась Лена:

— Где он?

— У нас тут... был. Был, говорю. Сейчас нету. Мы его приветили, накормили. И... и он домой пошел. Да-а! Отсюда до дому, если напрямую, совсем недалеко будет. Недавно ушел, минут десять — не больше!

Лена так и вскинулась:

— Я ж его догоню!

— Догонишь, догонишь, деточка! — кивает головой старушка. — Маша! Слышишь, Маша? Тебе говорю, — прикрик-

нула на желтоглазую.— Покажи хорошей девочке дорожку к ее братцу. Ту самую, что покорооче,— и хихикнула.

Чего, спрашивается, хихикать? Ничего смешного нет.

— Покажу. Отчего ж не показать? Не велик труд,— девочка тряхнула головой. Волосы упали на лицо, из-под них смотрит на Лену неподвижный желтый глаз.

Вышла Лена с желтоглазой девчонкой на крыльцо, а там ее поджидает вся воробьиная стая. Только завидели — и крик. Вьются над головой, громко чирикают...

— Тише вы! — смеется Лена.— Ишь, обрадовались, что Ванечка нашелся.

Откуда ей было знать, что не от радости кричат птицы? Предупреждают об опасности и сердятся, что она, такая бестолковая, не понимает их языка. Идет впереди желтоглазая, Лена за ней спешит. Скоро-скоро увидит она Ванечку...

Вдруг до Лениного слуха донеслись очень знакомые звуки:

— Эй, моряк! Ты слишком долго плавал. Я тебя успела позабыть...

— Ванечка! — остановилась Лена, прислушиваясь.

— Там он... Там! — схватила ее за руку желтоглазая.

Но ведь голос раздается совсем в другой стороне! Не дали Лене желтоглазая как следует вслушаться, потащила за собой с такой силой, какой наверняка позабавовал бы любой штангист среднего веса.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой Ванечка весело проводит время
в обществе привидений*

Кто же это пел, спросишь ты, Ванекиным голосом? А он сам и пел. Пел для собственного удовольствия.

Точнее сказать, для собственного успокоения. Потому что сидел он в той самой Пещере Кошмаров, о какой говорила ему Злючка-Гадючка, и сторожили его Кикиморины привидения.

Пещера, правда, была похожа на обыкновенный подвал — с тяжелой, окованной железом дверью, низким каменным сводом и осклизлыми ступенями.

Привидений Ванечка пока не видел. Зато слышал. Они с шумом проносились мимо него. Лаяли. Кудахтали. Завывали. Одним словом, старались на всю катушку. Это было очень страшно. Очень. Но все-таки терпимо. Потому что Ванечка уже кое-что повидал и успел попривыкнуть к обществу сказочных персонажей. А чтобы подбодрить себя, он стал петь самые громкие песни.

Помогло! Кроме своего пронзительного голоса, он теперь не слышал никаких посторонних звуков и приободрился. Но привидения тоже не собирались сдаваться. Они выжидали. У Ванечки, наконец, запершило в горле, и он перевел дыхание.

Тогда из глубины Пещеры поднялось нечто огромное, серое, не имеющее формы. Поверху потянуло холодным ветром. Ванечкины волосы встали дыбом.

Непонятное жуткое чудовище медленно приближалось...

Внезапно до Ванечкиного слуха донеслись низкие рокочущие звуки:

— Уррмм — мя-а-а!

Серое чудовище опало, рассыпалось. Мальчишка явственно увидел прижавшихся к стене четырех знакомых уродцев. Так вот, оказывается, кто это! Братцы-Упрямыцы да Сестрицы-Капризицы. Они, выходит, еще и привидениями у бабки Кикиморы по совместительству работают.

Дрожат уродцы, готовы в стену вдавиться — и ни звука, онемели от страха. А перед ними в боевой позиции Серафим. Добрался-таки котик до своих давних недругов!

Пискнули вдруг жалобно уродцы и — пропали из глаз! Только четыре маленьких серых мышонка прыснули из угла на все четыре стороны. Серафим даже не шевельнулся. Стоило ли гоняться за таким ничтожеством? Он выгнул спину и с удо-

вольствием потянулся — точь-в-точь, как человек, выполнивший нужную, но неприятную работу.

— Серафим! Ты превратил их в мышей? — с невольным уважением спросил Ванечка. — Ну и мастер ты, Симка! Настоящий волшебник.

— Мм-ра, — снисходительно отозвался Серафим. Какие, мол, пустяки! Самое трудное — улучшить удобную минуту.

И тут у Ванечки тревожно дрогнуло сердце. Как будто кто позвал его на помощь. Схватил он кота и бегом вверх по ступенькам.

Ага! Так вот почему Кикимора к нему сторожей приставила. Дверь хоть и толстенная, а плотно не закрывается — осела, перекосилась. Поднажал Ванечка плечом — заныла дверь, заскрипела, и образовалась щель, вполне пригодная, чтобы пролезть тощему мальчишке.

Едва вылез Ванечка на свет, как его окружила воробьиная стая. Орут, волнуются... Чего им надо от Ванечки? Глянул мальчишка, а там впереди двое. Спешат, пробираются — и прямо к Черному Болоту. Одна — зеленая — Злючка-Гадючка. Вторая... вторая? Ахнул Ванечка: это ж Ленка!

— Ленка! Я здесь! Куда ты? Постой, Ленка! — выпустил Серафима из рук и бегом за девчонками.

— Стой, детка! Не спеши...

Кикимора Никодимовна заступила дорогу. Влево кинется Ванечка — о костлявую ногу споткнется. Вправо метнется — рука-деревяшка путь заслоняет.

— Пусти, бабушка! Сестра...Ленка там! Утонет же... — взмолился мальчишка.

— А пусть себе тонет на здоровье, — ласково говорит Кикимора. — Тебе-то что за дело? Ты ж ее душой зовешь. Она над тобой командует-издевается!

— Ну и что ж из того, что командует! Пусти — тебе говорят! Ленка! — зовет отчаянно Ванечка. — Куда ты? Вернись!

— Тихо, крошка! — и Ванечкины губы зажала сухая деревянная ладонь. Вывернулся Ванечка — да головой прямо Кикиморе в живот. Охнула старушка и осела в лопухи.

— А, ты так? Ты драться? Ладно-ладно! Про уши забыл? Забыл, говорю, про уши...

Разошелся Ванечка не на шутку.

— Плевал я на твои уши! — кричит. — Ленка!

— Ну хорошо, деточка! Хорошо... — тянет Кикимора к Ванечке руки-клешни, шевелит длинным носом. Опять на испуг берет. А он, Ванечка, пуганый. Подумаешь, нос! Повторяется бабка Кикимора. Выдумки, видно, не хватает.

— Вернись, Ленка!

— Поздно, Ванечка! — хохочет старуха. — Поздно, роденький! — встала, платье поправила, платочек подтянула. — Все кончено. Утонула в Черном Болоте твоя Ленка. На корм пиявкам пошла.

— Неправда! Неправда! — вне себя кричит Ванечка. — Не может этого быть!

Кинулся мальчишка лицом в бурьян, катается по земле, бьет руками-ногами...

— Неправда! Неправда!

А Кикимора любит на него, ногу выставила, носком постукивает:

— Правда, Ванечка. Все правда. Ты ее и сгубил. Ты! Кто ж еще-то?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой происходит поединок между Леной и Злючкой-Гадючкой, а победу одерживает Ванечка

Спешит Лена вслед за своей сердитой провожатой, об одном думает: скорее бы нагнать Ванечку. Ведь только что слышала она его голос. Почему же желтоглазая тянет ее в другую сторону? Что-то тут не так. А если ее обманули? Обвели вокруг пальца?

Ну вот — опять его, Ванечкин, голос:

— Ленка-а! Вернись, Ленка!

— Чего остановилась? Спеш-ши!.. Спеш-ши... Он там, впереди, — толкает в спину желтоглазая.

Какой злой у нее голос! Чего она шипит, эта внучка Маша? А если она никакая не Маша? И никакая не внучка? И та старушка — самая настоящая Кикимора? Они спрятали от нее Ванечку...

— Стой, Лена! Ни шагу дальше!

Кто это сказал? Добрая Весть? Да, ее голос!

Замерла Лена, словно споткнулась о невидимую преграду. Глянула под ноги и отшатнулась. Снизу сквозь переплетенье стеблей и листьев глянула на нее бездонная чернота.

Так вот они кто, ее гостеприимные хозяева! Ну и артисты!

Особенно старушка. Ей бы в спектаклях добрых бабушек играть. Берегись теперь, желтоглазая!

Обернулась Лена. А желтоглазой нет. Нет никакой девчонки. Перед ней зеленая змея. Вытянула голову, шевелит жалом, покачивается на хвосте.

Значит, так? Значит, бой? Отлично! На это она согласна! Шпагу бы ей только! Шпагу! Настоящую — тонкую, острую, как солнечный луч. Где ж вы, друзья мушкетеры?

Едва подумала так, чувствует — сжимает ее рука рукоятку шпаги. Великолепной боевой шпаги!

Взмахнула Лена клинком — отпрянула змея.

— Ага! Не нравится?

А змея изготавилась — и стрелой вверх. Отскочила Лена, закрылась шпагой. Ударилась о клинок змея, сползла, шипя, вниз. И пропала. Исчезла бесследно. Ни змеи, ни девчонки.

Засмеялась Лена:

— Ура! Победа!

Перевела дух, вытерла пот со лба. И вдруг сзади:

— А-яу-у!

Быстро повернулась Ленка. А за спиной у нее Серафим. Шерсть дыбом, хвост трубой... И змея... Так вот она где, коварная! Свистнул, рассекая воздух, Ленкин клинок. Взлетела вверх зеленая лента и тяжело плюхнулась в воду. Смотрит Лена, как постепенно тонет в черной глубине мертвая гадюка.

— Ле-енка-а-а! Подожди! Не погибай!

Выбежал Ванечка, отдышаться не может: Увидел Лену, завизжал от радости:

— Жи-ива-ая!

И Лена стоит, устало опустив руки. А в одной руке у нее кривой узловатый сук. Да, всего-навсего, простая палка. А впрочем, не все ли равно, что у тебя в руке: шпага, палка или что другое? Лишь бы ты сражался за справедливость.

— Ленк, а Ленк... Они меня хотели злодеем сделать, — жалуется Ванечка. — А я не хочу злодеем. Я хочу добрым человеком. Пускай мне хуже будет. И уши! Пусть уж остаются эти противные уши, раз нельзя иначе. Я потерплю как-нибудь. А ты на меня не сердись, ладно? Ты уж прости меня...

Говорит Ванечка эти горькие покаянные слова — и будто камень с плеч, и на душе легче. Чувствует себя мальчишка самым сильным и смелым на земле. А знаешь, так всегда бывает, когда человеку удается победить самого себя.

Улыбнулась Лена:

— Не пойму я, Ванечка, о чем ты говоришь? Какие-такие уши? Лопухие, конечно. Но они у тебя всегда такие были.

— Правда? — схватился Ванечка за уши. Точно! Его собственные уши, доморощенные. Раньше они ему не нравились. Папа смеялся — лопухи! А сейчас так обрадовался им, так обрадовался, что просто слов нет! И как же он не заметил, когда с ним сотворилось такое превращение?

— Пойдем отсюда! — тянет Ванечка сестру подальше от гиблого места.

— Подожди... Где Серафим?

Кот сидит на пне и, не обращая ни малейшего внимания на окружающих, старательно вылизывает запачканные илом лапы.

— Пижон ты, Симка, — укорила его Лена. — Нашел время наводить красоту.

— Послушай, Ленка, — шепотом спрашивает Ванечка. — А кто такой Серафим?

— Как кто? — удивилась Лена. — Кот, разумеется.

— Ко-от? — недоверчиво протянул Ванечка. — А если у него только видимость котиная? А если он попал к нам с другой планеты? Может, он марсианин? А? Разведчик? Все высматривает, вынюхивает, выслушивает. Он нас понимает, а мы его нет, — и Ванечка с таинственным видом наклонился к сестре. — А что, если он волшебник и все это нарочно подстроил?

Ленка подняла бровь:

— Не зна-аю.

— А я знаю, — убежденно сказал Ванечка. — Из-за него мы попали в сказку. Это уж точно!

Серафим усердно наводит глянец на свою давно чистую шкурку, а ушки на макушке — нацелены в сторону ребят: подслушивает.

— Милые мои Капризицы! Бесценные мои Упрямцы! Где же вы теперь прячетесь? Сгубили вас злые люди... — Кикимора Никодимовна бредет, под кустики заглядывает, причитает: — Злюченька моя изумрудная! Где ты? — подошла к болоту, глянула, руками всплеснула. — Ой-е-ей! Горе мое лютое!

Смотрят Ванечка с Леной — на воде сухая змеиная кожа плавает.

— Вот вы какие! — корит ребят Кикимора. — Я к вам с доброй душой. Как лучше хотела. А вы чем отплатили? Неблагодарные!

Удивился Ванечка — вот это да! Выходит, они с Ленкой еще и виноваты? Чего только в этих сказках не случается!

Выскочила откуда-то Ябедка:

— Тетенька! Сейчас из Стокгольма художественную гимнастику передавать будут...

Высморгала Кикимора покрасневший носик:

— До свиданьица, мои хорошие! Привет родителям! Авось когда-нибудь и свидимся! — и заспешила вслед за Ябедкой. Дома у Кикиморы Никодимовны все по-прежнему. Светится в углу экран, титры бегут. Ябедка тащит кресло:

— Садись, тетенька...

— Ладно! Нехай ее леший смотрит, эту художественную... — решительно отрезала Кикимора. — Увязывай узлы!

— Куда? — вытаращила девчонка бесцветные глазки.

— В город. К людям ближе. Права была Злючка. Нечего сидеть у болота — ждать погоды. В массы надо идти — в народ. Если б мы Ванечку не похищали, а воспитывали без отрыва от домашних условий, он бы наверняка нашим стал. Ну ничего — на ошибках учатся. Жалко, конечно, насиженное место покидать. Но ничего не попишешь — жизнь заставляет. Надо приспособливаться к современности...

Торопятся уйти подальше от Черного Болота Ванечка с Леной. Но едва сделали несколько шагов, как слышат — окликает кто-то:

— Девочка! А, девочка!

Оглянулась Лена, а из чертополоха девчонка выглядывает. Волосы спутались, лицо все в зеленой тине, сама почти голая.

— Ой, кто это? — вскрикнула Лена.

— Злючка-Гадючка! Вот кто! — заявил Ванечка.

— Меня так в школе дразнили, — тихо говорит девчонка. — Я к маме хочу. Я пойду по всему свету свою маму искать. Я снова девочкой стала. А змеей меня Кикимора сделала. Но ты сорвала с меня змеиную кожу. Может, я еще и человеком стану. Мне очень хочется стать человеком. Только одеться мне надо. Не во что мне одеться...

— Возьми мое платье! Мне не жалко, — говорит Лена. — Сильно рваное оно, вот что плохо.

— Ничего, сойдет. Я заштопаю. Мне лишь бы маму найти.

Сдернула Лена с себя платьишко, осталась в майке и трусиках.

— Спасибо! — говорит бывшая Злючка-Гадючка. — До свиданья!

— До свиданья! — не очень дружелюбно отозвался Ванечка.

— До свиданья! — сказала Лена. — Ты обязательно станешь человеком. Только не попадай, пожалуйста, под дурное влияние.

Отошли Ванечка и Лена, а Злючка-Гадючка им вслед кричит:

— Меня Таней зовут. Слышите? Может, еще встретимся.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ,

в которой все чуть было не началось сначала

Идут лесом Ванечка и Лена, за руки держатся, как бы ненароком не потерять друг друга. Серафим впереди за проводника. Ты ведь знаешь: порядочный кот свой дом за сто километров находит. За Серафимом с ветки на ветку перепархивают воробышки, тоже домой торопятся. Котище делает вид, будто их вовсе не существует. Хоть и велик соблазн сцапать юркий пушистый комочек, но где это видано, чтобы интеллигентный кот охотился на собственных союзников?

Рассказала Лена брату все, что с нею приключилось. Кое-что поведал о своих злоключениях и Ванечка. Но ему не очень-то хотелось о них вспоминать.

Уже обо всем переговорено, а деревьям конца не видно. До чего же он длинным оказался, этот самый Дальний Лес. Шли они так, шли — вдруг Ванечка остановился:

— Я дальше не пойду! Я устал.

— Ванечка! Совсем немного осталось...

— Я пить хочу.

— Потерпи капельку.

— Не хочу терпеть!

Знакомая песня! Неужели все сначала? Поглядела Лена на брата да как закричит:

— Ой!

— Ты чего? — испугался Ванечка.

А Лена на него пальцем показывает:

— Уши... уши растут!

Трогает Ванечка уши — нет, те же вроде, человеческие. А, может, все-таки подросли немного?

— Забыл... все забыл, Ванечка.

— Помню, — хмурится мальчишка. — Думаешь, это легко — сразу хорошим стать? Я ж не виноват, что у меня характер такой поперечный.

— Не виноват? Опять не виноват!

— Ну ладно. Ну, не буду. Постараюсь как-нибудь...

Пока они спорили, исчез Серафим. И воробышек не слышно. Оторопь взяла ребят. А пригляделись — обрадовались. Впереди за деревьями приветливо голубеет небо. Опушка!

— Теперь все! — глубоко вздохнула Лена. — Теперь можно звать Добрую Весть.

— Я здесь.

Добрая Весть сидит на траве. Ее тяжелая сумка лежит рядом. Тоже как будто отдыхает. В глазах у девушки плещется чистая родниковая голубизна, на лице играют солнечные зайчики. Потому что счастлива Добрая Весть.

— Поторопитесь, ребята. До папиного Важного Строительства путь не близкий.

— Пиши, — деловито сказала Лена. — «Телеграмму получили тчк Все порядке тчк Здоровы... — глянула многозначительно на Ванечку и добавила. — Ванечка ведет себя хорошо тчк.»

— Все?

— А я?.. А мне можно? — спросил Ванечка.

— Ну конечно.

— Всего два словечка: «Приезжайте поскорее восклицательный Мы очень соскучились без вас тчк.»

— Послушай, Наденька-Радость, — у Лены дрогнули губы. — Разве такое можно? Ведь это грустные слова — соскучились...

— Такое можно, — улыбнулась Добрая Весть.

— «Целуем Ваня Лена». Теперь все!

— Теперь все, — вздохнула Добрая Весть. — Пора мне, — а сама почему-то не уходит: смотрит на ребят и веточку в пальцах ломает.

Ленка глаза прячет и кончик косы тербит:

— Спасибо тебе за все!

— Какие пустяки! — махнула рукой Добрая Весть. — Я тут вовсе ни при чем. Вы сами победили Кикимору. Это твоя победа, Лена. И твоя, Ванечка, хоть она тебе и нелегко досталась.

— Опять жалеешь, что ты не фея! Ну какая же ты, право, чудачка! — Лена решительным движением перекинула косу за спину. — И что такого особенного — фея? Они ведь тоже не все могут. А у тебя есть дело. Очень хорошее, доброе дело... Ты же сама говорила...

— Да...

— И в своем деле ты давно настоящая фея. Разве не так?

— Правда?

— И подумай, пожалуйста: если вдруг на земле не станет Добрая Вести, что ж тогда будет? А?

— Спасибо тебе, Леночка! — Добрая Весть засмеялась, и словно веселый ручеек зазвенел по камешкам. — До свиданья, ребятки! Я буду часто навещать вас...

— До свиданья, Наденька-Радость! Спасибо тебе! Спасибо!

Взмахнула рукой Добрая Весть и пропала — растворилась в солнечном сиянии.

— Нет, как вам это понравится! — послышался сзади приятный бархатный баритон. — Кому спасибо, а кому никакой благодарности за все старания...

— Кто это? — вздрогнули дети и разом оглянулись.

Никого!

Один Серафим сидит на бугорке, неподвижный, как изваяние, и на белоснежной мордочке таинственно мерцают огромные глаза.

Лена подняла кота на руки. Он потерся об ее щеку и промурлыкал что-то удовлетворенно.

— До свиданья, Дальний Лес, — сказала Лена. — А ты не такой уж и страшный. До свиданья, сказка! Я на тебя не очень сержусь.

— Ой, слышишь? — Ванечка схватил Лену за руку.

Топот в лесу, сучья трещат — и все ближе, ближе. Неужели Кикимора опомнилась, вдогонку кинулась?

— Вот они! Вот они!.. — Костром вспыхнула в темной зелени рыжая шевелюра. Ябедка, что ли?

Нет, не Ябедка и не Кикимора! Витька Збых выскочил из лесу. А за ним ребята со двора!

— Ура-а-а! Нашлись наконец-то!...

Вот я и рассказала тебе сказку. Конечно, сказку, а что же еще? Но, пожалуйста, запомни хорошенько, что Кикимора Никодимовна живет теперь рядом с нами и Тетушка Дурные Вести торопится принести кому-то в дом горе. От тебя требуется немного. Не помогай им. Не надо. Лучше дружи всегда с Добрай Вестью. Она поет всюду и никогда не жалуется, что у нее много работы. Лишь бы люди были счастливы. Лишь бы люди не огорчали друг друга.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая, в которой Дверной Звонок прерывает мамину сказку, Ванечка проявляет характер, а Лена становится командиром	4
Глава вторая, в которой рассказывается о тревогах летней ночи и таинственном споре на лестничной площадке	10
Глава третья, в которой выясняется, как все-таки трудно быть командиром	16
Глава четвертая, в которой Ванечка попадает в Дальний Лес и встречает старых знакомых	22
Глава пятая, в которой Ванечку окружают всевозможные ужасы и он пытается спастись бегством	31
Глава шестая, в которой Лена оказывается в безвыходном положении	36
Глава седьмая, которая знакомит нас с некоторыми подробностями биографии Кикиморы Никодимовны Подколотной	39
Глава восьмая, в которой паучок рассказывает Лене радость, а получается все наоборот	43
Глава девятая, в которой Ванечка радуется Кикимору Никодимовну	48
Глава десятая, в которой Ванечка проваливается на экзамене, но это остается в секрете	53
Глава одиннадцатая, в которой выясняется, что паучок был прав, а Лена стала жертвой чудовищного обмана	61

Глава двенадцатая, в которой происходит ужасный переполох и при этом выясняется, что Кикимора Никодимовна не любит кошек	68
Глава тринадцатая, в которой Лена встречается с любезной старушкой и ее милыми внуками	75
Глава четырнадцатая, в которой Ванечка весело проводит время в обществе привидений	79
Глава пятнадцатая, в которой происходит поединок между Леной и Злючкой-Гадючкой, а победу одерживает Ванечка	83
Глава шестнадцатая и последняя, в которой все чуть было не началось сначала	89

Зинаида Александровна Чигарева
ОСТОРОЖНО, СКАЗКА!

Для младшего и среднего
школьного возраста

Оформление художника Г. И. Кравцова

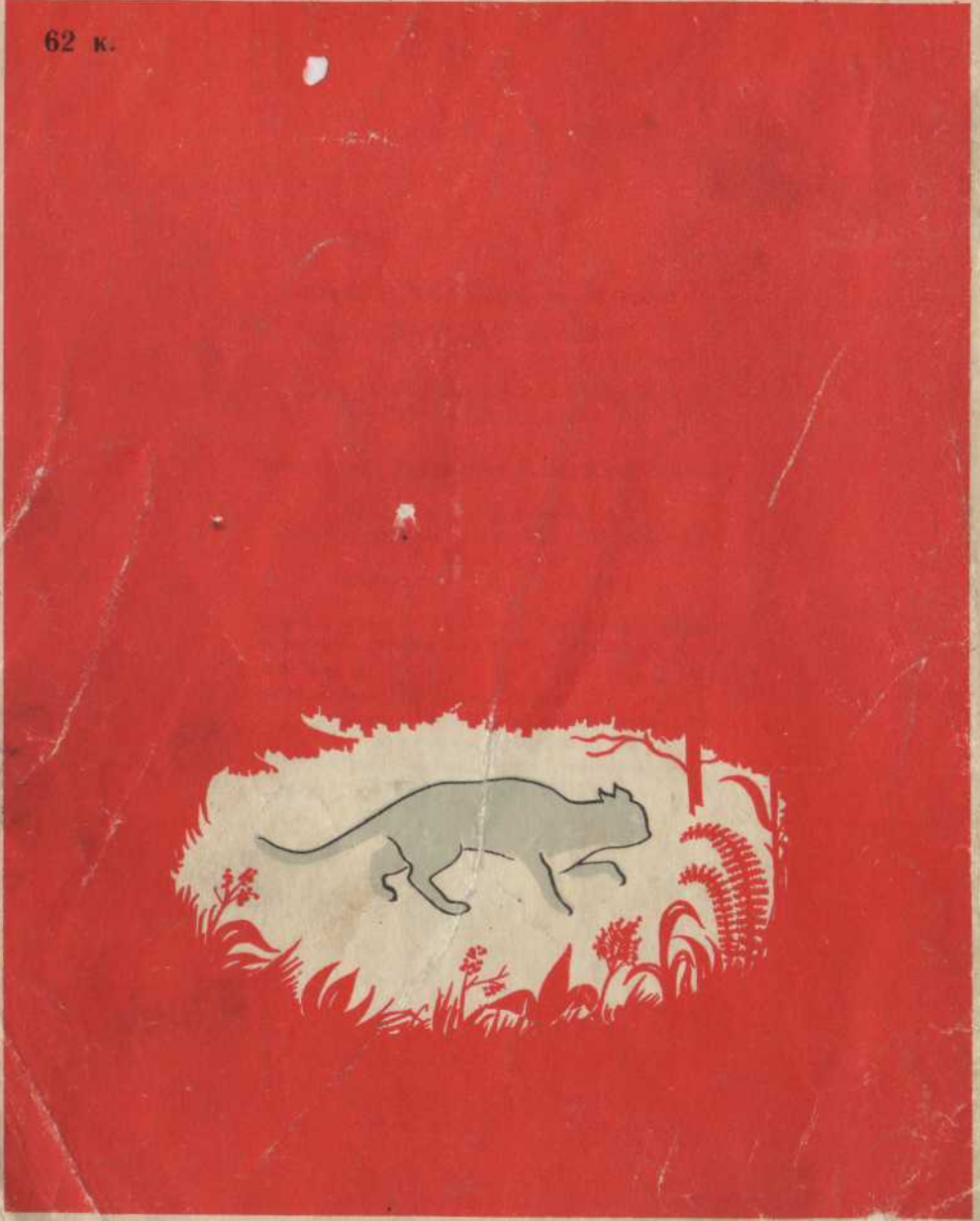
Редактор Л. В. Глебова
Художественный и технический редактор
Г. В. Адова
Корректор Т. Е. Трусова

Сдано в набор 6.IV.1973 г. Подписано к печати
16.VII.1973 г. Формат 70×84¹/₁₆. Бумага офсетная
№ 1. Усл. п. л. 6,54. Уч.-изд. л. 8,58. Тираж 75 000
ОП01010 Заказ 3401. Цена 62 коп

Кемеровское книжное издательство
Кемерово, Ноградская, 5
Полиграфическое объединение «Томь»
Кемерово, Ноградская, 5

36 10

62 к.

• КЕМЕРОВО • 1973 •